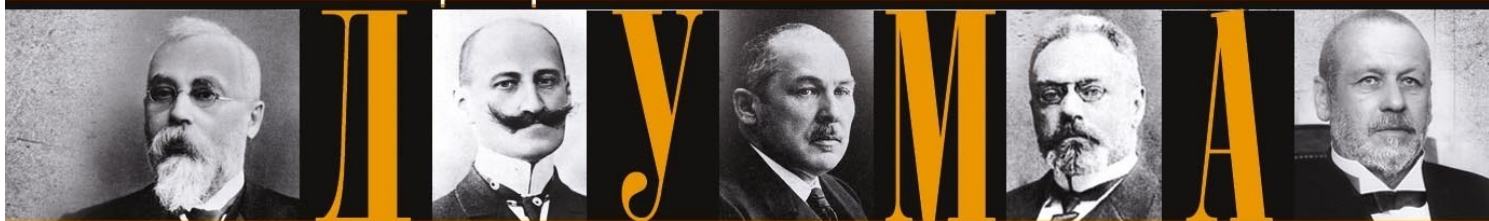

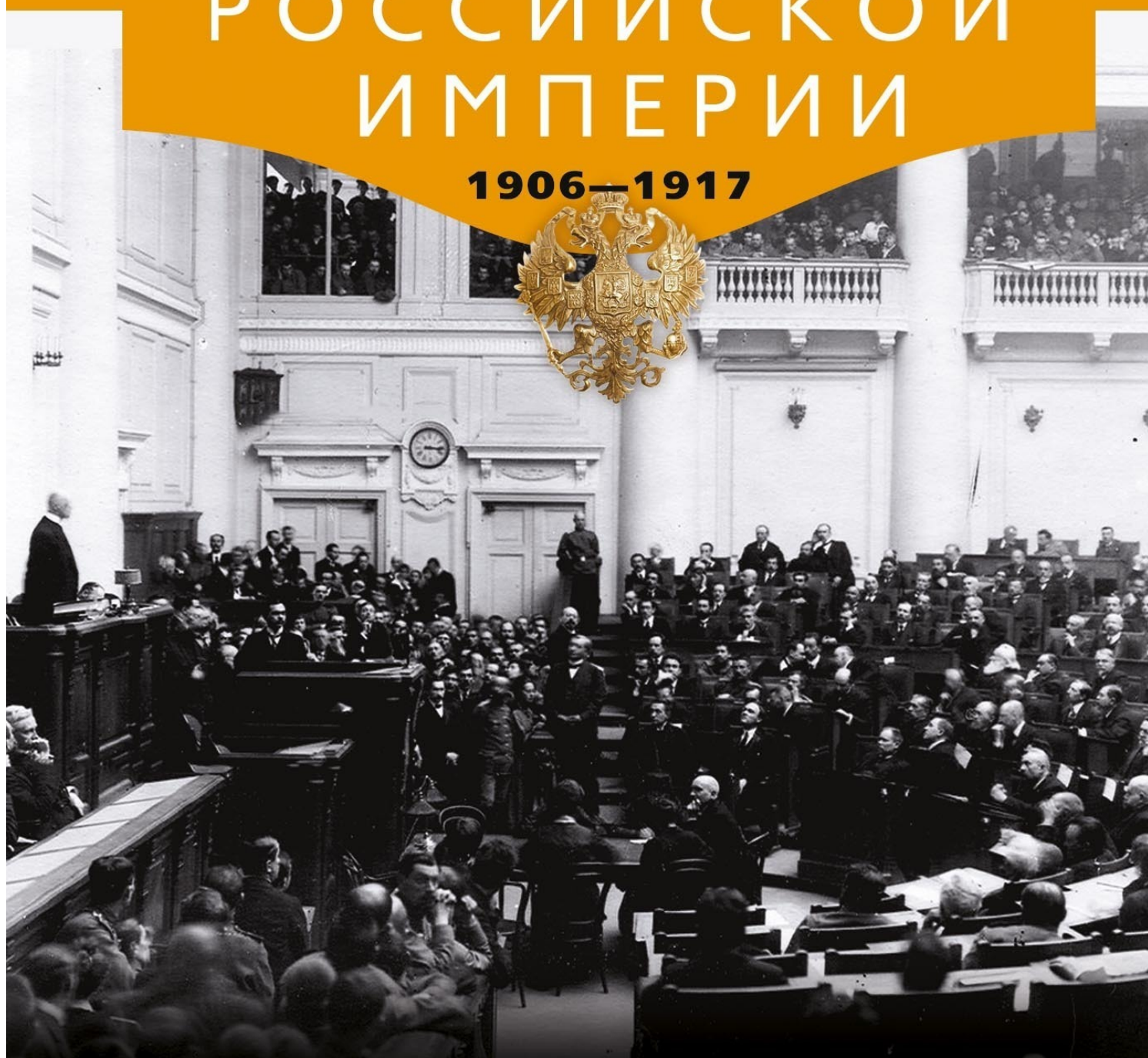
А.Ф. Смирнов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ

РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1906—1917

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОЧЕРК

Александр Смирнов

**Государственная Дума
Российской империи 1906-1917 гг**

«Центрполиграф»

2021

УДК 342.53(47+57)"1906/1917"
ББК 67.400.6

Смирнов А. Ф.

Государственная Дума Российской империи 1906-1917 гг /
А. Ф. Смирнов — «Центрполиграф», 2021

ISBN 978-5-227-07918-3

В книге детально прослеживается история подготовки, учреждения и функционирования Государственной Думы – первого парламента России. Работа написана на основе изучения стенографических отчетов заседаний Думы, архивных материалов, статей, переписки, мемуаров таких политических деятелей той эпохи, как Столыпин, Витте, Милюков, Маклаков, Керенский, Родзянко и др. Издание является прекрасным пособием по изучению парламентаризма в России. Также интересна и широкой читательской аудитории. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 342.53(47+57)"1906/1917"

ББК 67.400.6

ISBN 978-5-227-07918-3

© Смирнов А. Ф., 2021

© Центрполиграф, 2021

Содержание

Предисловие	7
У истоков Думы	11
Начало реформ	11
Булыгинская Дума	32
Октябрьский манифест	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Смирнов
Государственная Дума Российской империи
1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк

*Посвящаю памяти Филиппа Никитича Смирнова – отца, солдата,
педагога.*
Автор

© Смирнов А.Ф., наследники, 2021

© «Центрполиграф», 2021

Предисловие

Размышления с книгой в руках

Анатолий Филиппович Смирнов был человеком своей эпохи. Но вместе с тем – и это одна из главных особенностей его личности и его вклада в науку – он принадлежал к тем русским людям и ученым, в чьих переживаниях и исканиях непосредственно воплотилась преемственность отечественной духовной культуры.

И как личность, и как ученый, он не отделял себя ни от дореволюционной России, ни от советского периода. Человек крови и плоти своего века, рожденный в алтайском селе с прекрасным названием – Родино, он вместе с державой пережил ее взлеты и падения, грехи и заблуждения, надежды и разочарования русской мятущейся души. В пятнадцать лет он стал школьным учителем истории, в семнадцать, когда началась война, пошел в артиллерийское училище, бежал на фронт, был возвращен и строго наказан, но всю жизнь помнил «сороковые роковые, свинцовые, пороховые...», учился экстерном, будучи офицером. Но наука звала все более и более властно. Первые исторические изыскания были связаны с историческими судьбами народов Белоруссии, Литвы, Польши. «Бунташный» и судьбоносный XIX в., золотой век русской культуры, русской мысли Анатолий Филиппович не просто знал досконально, можно сказать, он в нем жил!

Он не искал легких и «успешных» тем, ему было трудно ограничивать свою мысль и просто возделывать узкий надел на академическом поле – слишком созидательного склада была наполнявшая его натура жажда деятельности, и, наверное, поэтому он успешно осваивал все новые и новые сферы: от классической истории и русской философии к славяноведению, истории освободительного движения XIX в., к истории русской правовой мысли и истории становления демократических институтов в России – Государственного Совета и Государственной Думы, и – через все и неизменно – дума о русском мужике, о русском мире, о совести, о Боге.

А.Ф. Смирнов оказался одним из очень немногих историков, изучавших революционную и советскую проблематику, сознание которого оказалось неподвластным «марксистско-ленинскому» тотальному нигилизму ко всему русскому, православному и традиционному.

Сохранив самостоятельность и широту мышления, он был духовно, интеллектуально и академически готов к открытию новых горизонтов. Его уровень не нуждался в нарочитом отречении, которое столь широко было проявлено в академических кругах, не имевших стержня и столкнувшихся с драмой мировоззренческой пустоты. Смирнов как ученый не опустил до того, чтобы отвергнуть ценность социально-экономического измерения исторических процессов, которым марксистский метод, бесспорно, обогатил научные подходы, и ему было совершенно чуждо то брезгливое отторжение всей советской истории, в котором себя пытались найти многие «доктора наук», оказавшись бесплодными или всеядными.

Занимаясь давно, глубоко и вдумчиво революционными движениями, которые есть факт нашей многострадальной истории, Смирнов в своем их осмыслении поднялся над навязанными классовыми схемами. Как оказалось, он среди очень немногих был способен продолжить изучение революционной ситуации в России начала XX в., не повторяя ритуальные клише, но и не следуя моде легковесно опровергать все предыдущие акценты. Он слишком глубоко и сопричастно вникал в раскол русского общества на рубеже XX в. Он слишком добросовестно, а не следуя формально догмам изучал драму русской истории на широчайшем фоне национальной традиции, религиозно-философских основ истории, национального сознания и политических теорий и не мог не понять: как бы ни менялось наше отношение к революции, масштабы процессов и драмы разрушения исторического государства Российского, воздействие на мировую историю так грандиозно, что это не позволяет нам превращать обсуждение ее в фарс.

Анатолию Филипповичу Смирнову было в полной мере свойственно то, что именуется национальным самосознанием. Это не народническое обоготворение «низших классов», это не любование курной избой и замыкание в этнографических чертах, от чего он предостерегал, это не ностальгическая и сегодня экстравагантно-сектантская поза – романтизация допетровских институтов или упорство в верности советскому периоду – это просто неискоренимое чувство сопричастности не только и не столько к сегодняшнему дню своего Отечества, а ко всему его многовековому прошлому и к его будущему. В таком сознании рама восприятия способна объять и принять все, «нами же сотворенное, а значит, наше», что так любил цитировать Анатолий Филиппович, а вечное Отечество – не тождественно государству – несовершенному и греховному институту – творению рук человеческих.

И именно на 1980—1990-е, на эти драматические для страны годы, приходится период подлинной зрелости Смирнова как историка-мыслителя и дивный, нечастый в этом возрасте яркий взлет его творчества. Диапазон его научных интересов и занятий быстро расширяется. Он все глубже погружается в изучение не фактов, а самих процессов и мировоззренческих оснований формирования государственности и различных ее интерпретаций.

Он подошел к главному труду своей жизни – анализу «Истории государства Российского» Карамзина. Поразительно, как сам Анатолий Филиппович определил свое призвание на этом пути: открыть нам Карамзина так, как он открылся Пушкину...

Борьба за право публиковать в СССР труд Карамзина заняла не один год и отняла много сил. Нам сейчас, когда, слава богу, Карамзин стоит в каждой библиотеке, это уже трудно представить. В середине 1980-х, когда журнал «Москва» стал переиздавать великого историографа по несколько глав в каждом номере с комментариями и сопроводительным текстом Смирнова, это было мировоззренческим прорывом!

Это не случайно, ибо карамзинское «наше, мы» уже пронизало все его существо, и сопричастный, но не льстящий взгляд на русскую историю был крайне важен для самого Анатолия Филипповича как исследователя. Он проявился в полной мере и в его капитальном насыщенном труде «Государственная Дума Российской империи». Этот труд – подлинную энциклопедию политической борьбы на рубеже XIX–XX вв. – отличает проникновение в мировоззренческую дискуссию и накал столкновения взглядов на будущее государства, без которого бесплодны все попытки объяснить стремительное падение в обрыв революции. В этой работе можно найти столько уроков и столько параллелей с кипящими страстями 1990-х гг.!

Именно эту работу мы сегодня и предлагаем читателям уже XXI в.

Его труд о Государственной Думе отличается не только необыкновенной насыщенностью фактами и документами, но и широким историческим фоном, где читатель погружается в густое переплетение идей, будораживших русское общество, и ощущает, как раскаляются края политического поля из нетерпеливых и самоуверенных партий, которым больше нужно было торжество своих умозрительных схем, чем выход государства из кризиса.

Работая над разного рода историческими документами для этой фундаментальной монографии, он стал вдумчиво анализировать самые серьезные проекты, когда-либо созревавшие в среде русских государственных мужей и мыслителей.

Так, Смирнов считал фатальной исторической драмой неспособность найти форму вовлечения в процесс поступательного государственного развития огромной народной крестьянской массы.

Безземелье крестьян в огромной крестьянской стране само по себе создавало в основании государства заряд страшной разрушительной силы.

Смирнов видел корни и причины постоянно повторяющихся неудач всех и всяческих реформ на протяжении всей русской истории вплоть до сегодняшнего дня – в полной отделенности и отдаленности крестьянской, а сегодня – широкой народной массы от управления даже своей жизнью, почти цивилизационное деление общества. Недоверие между массой народа

и властью, элитой, неспособность последней воспринять социальные чаяния народа и найти соединительный рычаг, навсегда выбив почву из-под революционных смут и сохранив национально-культурный стержень цивилизации, – вот причина большей части и наших сегодняшних нестроений. Смирнов отнюдь не был утопистом, не повторял бесплодный лозунг «дать кухаркам управлять государством».

Он понимал прекрасно, что многовековой разрыв общества создал порочный круг, в котором нужно преодолевать не только неготовность элиты, но и неготовность к масштабной и ответственной управленческой деятельности массы народа, отягощенного частными бедами. Но Смирнов был убежден: преодоление разрыва невозможно без создания механизма вовлечения народа в самоуправление, который бы без хаоса и рассыпания в местничество рождал в среде народа постоянно растущий социально активный слой, объединяющий, обновляющий и питающий социум снизу доверху. Основы такого механизма необходимо было искать в собственном историческом опыте и нанизывать на него опыт мировой и европейский.

Взгляд Смирнова на многовековую российскую историю никак не умещался ни в прокрустово ложе советской официальной идеологии, ни в узкую логику ее презрительных отрицателей. Смирнов всем существом отторгал радикальный революционный нигилизм по отношению к отечественному историческому опыту, равно свойственный как интеллигенции начала XX в., ортодоксам-марксистам эпохи застоя, так и постсоветским гуру перестройки. Он принадлежал к тем историкам, кто в личном восприятии осознавал и чувствовал непрерывность многовековой истории России.

Для него, слишком хорошо знавшего преемственные, больные и поныне нерешенные вопросы русской жизни, наша история не распадалась на несоединимые русский, советский и постсоветский периоды.

И это оказалось дано немногим в смутные 1990-е и в обнадеживающие, но противоречивые 2000-е гг.

Анатолий Филиппович был таким русским! Те, кому случалось соприкасаться с ним в неофициальной обстановке, тем более у него дома, могли видеть, каким он был радушным хозяином, весельчаком, любившим разделить любое волнующее его событие с единомышленниками и друзьями. Его дом жил полной жизнью с чадами и домочадцами, а за широким застольем гремел его неподражаемый голос, повергавшие гостей в громовой хохот остроты и метафоры. С него можно было писать русский характер. Было видно, как все проявления его натуры с трудом поддавались обузданию. Все он делал с размахом – сердился, огорчался и радовался, трудился и праздновал. Его невозможно было представить в состоянии уныния. Душа его, поистине, была от рождения христианка, и путь ее в его земной жизни – это последовательный поиск дороги к Храму.

К Храму пришел и историк Смирнов – вершиной его преподавательской деятельности стал блестящий курс истории русской цивилизации, который он читал несколько лет в Сретенском высшем духовном училище, несмотря на одолевавшие его смертельные недуги. В этом курсе его обширные знания, собственные духовные размышления, параллельная работа над Карамзиным и Сперанским, исследования исторических трудов таких столь ярких и непохожих друг на друга историографов, как Костомаров и Ключевский, обрели ту высоту и глубину, которая сделала его подлинным историком-мыслителем, способным характеризовать эпоху в полноте ее духовных, мировоззренческих и событийных потоков. Его знания и мысль, нанизанные на обретенный им духовный стержень, системно оформились в глыбу, а слово обрело чеканную форму.

Весь его путь – это постоянное приумножение природного таланта исключительным по масштабам и напряженности трудом, преодоление противодействия со стороны обстоятельств и недугов, путь согласно любимой формуле любимого Пушкина: «Самостоянье человека – залог величия его...»

А.Ф. Смирнов в своих исследованиях русской истории и изучении опыта Государственной Думы Российской империи пришел к убеждению, что выстраивание «властной вертикали», завершение этой работы требует учета исторического опыта начиная от вечевых республик, казачьего круга, крестьянского мирского самоуправления, включая и опыт советского парламентаризма, освобожденного от диктатуры одной партии. Принимаемые в стране законы должны создаваться с учетом завета Александра Невского: «Не в силе Бог, но в правде».

А.Ф. Смирнов в одном из своих интервью сказал: «Закон должен помочь нравственности, дополнять ее, но не может ее заменить. До сих пор идея соборности, советования остается не востребованной, хотя выработана всей русской историей. Это и есть государственная, общенародная идея. Без этого мы порядка в стране не наведем. Нравственность, советование... Вспоможение друг другу, а не объегоривание».

Вот эти размышления большого русского историка и честного человека сейчас по-новому актуальны, опыт Государственной Думы в предреволюционную эпоху дает большой материал для размышлений не только о нашем прошлом, но и о нашем будущем.

Наталья Нарочницкая

У истоков Думы

Начало реформ

М.М. Сперанский писал в 1808 г. во «Введении к Уложению Государственных законов»: «Конституции во всех почти государствах устрояемы были среди жестоких политических превращений. Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может иметь все способы дать ему самые правильные формы»¹.

Жизнь, однако, жестоко надругалась над мечтой великого реформатора. Его конституционный проект остался в архиве. Только спустя столетие «воспаление страстей и крайние обстоятельства» вынудили императорское правительство стать на путь конституционных реформ. Тем самым подтвердилась мысль М. Сперанского: «Никакое правительство с духом времени не сообразно, против всемогущего его действия устоять не может».

Дух времени, заставляющий умы klokотать, дух революционных преобразований – одна из характернейших отметин начала XX столетия.

В свое время В.И. Ульянов-Ленин писал, что все реформы являются лишь побочным продуктом борьбы классов, революционного натиска, что Государственная Дума не исключение, а подтверждение этого закона, что Дума – это продукт революции, что Дума «оказалась орудием русской революции, ее породившей». Революционный пролетариат, утверждал его вождь, раз навсегда сделал невозможным управление Россией без представительных учреждений². Сказанное не означает, что марксистско-ленинские оценки Думы являются единственно правильными, исчерпывающими, но, не вдаваясь в теорию исторического процесса, нельзя не признать, что есть обратная связь между Думой и революцией – императорская власть пошла на конституционные реформы под воздействием двух крайних обстоятельств, необычно сильно взволновавших страсти народные: это – вначале, революционный фактор, затем – очень сильное влияние неудачной Русско-японской войны.

Внимательные современники отмечали, что воздействие отмеченных факторов, как бы переплетаясь, дополняя друг друга, было ферментом конституционных реформ. Важнейшие конституционные начинания удивительным образом синхронны Ляоляну, Мукдену, Порт-Артуру и Цусиме.

Великолепно эту связь раскрыл В.О. Ключевский, назвавший Кровавое воскресенье вторым Порт-Артуром – «войска стреляли в народ». И через неделю (Татьянин день) публично заявивший, что власть, стреляющая в собственный народ, обрекла себя на гибель: «Николай II – последний самодержец; Алексей царствовать не будет»³.

Император Николай II, не будучи личностью волевой, тем не менее сделал решающий шаг по пути перестройки системы государственной власти и управления, здесь сказалось как влияние военно-политической ситуации, так и настойчивые уверения ряда ближайших советников государя, что уступкой он завоюет доверие благоразумной части общества и с его помощью положит конец «смуте и анархии». Но этот вывод монарх сделал далеко не сразу и не без внутренней, тяжелой для него борьбы.

Начало века ознаменовалось в России студенческими волнениями невиданной до той поры силы и длительности; были нарушены академические свободы, пролилась кровь, профес-

¹ Примечания см. в конце каждого раздела.

сура стала на сторону преследуемой молодежи. Император, вмешавшийся в конфликт, объявил свое неудовольствие персоналу Министерства просвещения и внутренних дел за «неумелые распоряжения» и одновременно порицание молодежи, забывшей о долге повиновения и уважения к порядку⁴. «Подобные смуты не могут быть терпимы». На следующий день по публикации мер против смуты, то есть в часы и дни острого расхождения власти и общества, начались празднования столетия со дня рождения Пушкина⁵. Споры о поэте, его вольнолюбивой музе вливались в общую полемику о судьбах просвещения, молодежи, путях развития России, ее историческом предназначении, обсуждалось: почему на празднике почти отсутствует литература и почему общество проявило недостаточно много воодушевления. В поисках ответа на эти вопросы умы обращались к условиям жизни пореформенной России, отмечалось, что величественное здание «великих реформ» царя-освободителя не было увенчано конституционным куполом, что, наоборот, последние десятилетия русская жизнь шла не по пути развития принципов 1861 г., а их умаления, искажения, стеснения. Россия должна вернуться на путь, указанный двумя великими Александрями, царями-реформаторами.

Студенческие волнения, реакция на них властей и общественности – это своего рода истоки, пролог революции и Думы.

Правительство ответило на вызов молодой России репрессиями, студентов-смутьянов исключали из университетов и ссылали в солдаты. Инициатор этой драконовской меры все-таки министр финансов С.Ю. Витте заявлял, что казарма воспитает лучше, чем профессор, армию вновь попытались превратить в арестантские роты. Но этим не исчерпывается воздействие «студенческого фактора» на русскую жизнь. Протест молодежи и особенно репрессии власти вызвали возмущение широких слоев общественности, оживили работу земств, городских дум, других общественных организаций. Ловя в свои паруса эти потоки русской жизни, министр внутренних дел И.Л. Горемыкин (начавший свое служебное поприще в эпоху «великих реформ») представил государю императору записку, беря под защиту земства, утверждая, что развитие земств, местного самоуправления не только не противоречит принципам монархии, но и способствует укреплению «исторической» власти, что надобно продолжить путь «великих реформ». Надлежит не торопясь идти медленным, но верным путем постепенного совершенствования существующих учреждений. Защищая совместимость принципов сотрудничества, самодержавия и самоуправленческих земских начал, Горемыкин ссылался на основоположников славянофильства и почвенничества. Он предлагал вводить постепенно земство во всех районах страны, где оно еще отсутствовало, прежде всего в западном крае и на севере европейской части страны. Земство должно стать всероссийским; пока же оно введено только в великорусских центральных губерниях, что хорошо лишь для начала. Очень сильная и верная была заключительная мысль Горемыкина, что только работа в органах местного самоуправления способствует воспитанию в народе самостоятельности, инициативы, стремления к самоустройству и, наоборот, полное упразднение самоуправления грозит обращению народа в «обезличенные и бессвязные толпы», «людскую пыль». Весьма недурная мысль в свете современных криков об «охлократии» и автократии.

Прямым нападением на записку Горемыкина явились записки Витте, опубликованные П.Б. Струве в его «Освобождении»: «Самодержавие и земство»⁶. Витте доказывал, что в принципе выборное начало в местном самоуправлении несовместимо с самодержавием, с монархией. Выборное начало, земство хороши для конституционного строя: «В ином положении стоит и всегда будет стоять земство в государстве самодержавном». И хотя Витте лицемерил, заявляя что «не составляет обвинительного акта против земства», но некоторые его справки и рассуждения носили характер полицейского доноса. «Земское движение в пользу земского собора, – писал он, – вот где опасность, а не «в пустой шумной оппозиции губернскому начальству». Земские соборы, традиции народосоветия были основной его мишенью.

Полемика двух министров – Горемыкина и Витте, – эта тяжба перед престолом, имеет принципиальное значение для правильного понимания истоков русского конституционализма; Витте в нашей литературе принято считать едва ли не отцом русского парламента, но он скорее не отец, а злой снохач; Горемыкина изображают ретроградом, ловким царедворцем, тогда как факты скорее говорят о другом. Беспринципным интриганом в этой тяжбе показал себя министр финансов. Он направил свою записку обер-прокурору К.П. Победоносцеву. В сопроводительном лстивом письме он утверждал: «Большинство (публики) льнет к семейству, пытаясь заставить царя незаметно перейти заветную черту от самодержавия к самоуправлению». По существу Витте организовал антиземскую кампанию и слухи о его происках проникли в общество.

В защиту принципов самоуправления, выборных начал в земстве выступил известный юрист профессор Б.Н. Чичерин, доказывая, что развитие самоуправления необходимо для обуздания «владычествующей бюрократии», которая сеет рознь между обществом и царем, что только врагам России на руку, отечеству же поход против земства грозит смутой и раздором.

В поддержку и развитие курса реформ выступил также воспитанник и профессор Московского университета князь С.Н. Трубецкой на страницах влиятельной либеральной газеты «Санкт-Петербургские известия». Ссылаясь на библейские тексты, он отмечал, что в стране разумное человеческое слово заменено завыванием шакалов и воплями диких кошек, но тишина пустыни, населенной зверьем, замечал с горечью просвещенный Рюрикович, не есть благоустроенное общество. Формула о диких кошках и шакалах обошла всю печать, единомышленники профессора отмечали, что даже голос Демосфена не мог бы заглушить вопли дикого зверья, которое, увы, часто выдается за общественное мнение⁷.

Тяжба перед троном закончилась в пользу Витте. Император не счел возможным перед лицом волнений уступать, а отказался от намерений вернуться к курсу, проводимому дедом. Проект распространения земств на западные губернии был отстранен, а Горемыкин назначен членом Государственного Совета – это традиционная со времен Александра I форма министерской отставки. Министром внутренних дел был назначен Д.С. Сипягин (до этого заведующий канцелярией по приему прошений на царское имя). Произошедшее вызвало в обществе повышенное внимание и было воспринято как серьезная корректировка политического курса, тем более что замена «управделами» империи произошла в день рождения Александра III, что вряд ли было случайным совпадением. Излагая свое кредо, Сипягин писал Витте: «Я только докладчик! Царь будет решать, и никаких правил не нужно». Однако Витте не принял эту концепцию: «Ваша теория, дорогой, крепколюбимый Дмитрий Сергеевич, имеет много общего с непогрешимостью папы римского»⁸.

Все дальнейшие важные решения принимал император единолично. Министры, в том числе и Витте, в конечном счете приспосабливались к нему или уходили в отставку. «Моя обязанность заключается в том, – писал министр иностранных дел граф Ламздорф, – чтобы сказать государю, что я о каждом предмете думаю, а затем, когда государь решит, я должен безусловно подчиниться и стараться, чтобы решение государя было выполнено»⁹.

«Для царя, – свидетельствует генерал А.А. Мосолов – управделами Министерства двора, – министр был чиновником. Царь любил их, поскольку они были ему нужны, столько же как и всех верноподданных своих и так же к ним относился, один граф Фредерикс пользовался в этом отношении привилегированным положением» (наш старый джентльмен, говорила о графе императрица. – А. С.).

Бывал ли министр в несогласии с царем, общественность или враги начинали его клеймить – или же он переставал внушать доверие, царь выслушивал его как обычно, благодарил за сотрудничество, тем не менее министр несколько часов спустя получал собственноручное его величества письмо, уведомляющее его об увольнении от должности.

Отношения царя с министрами завязывались и оканчивались следующим образом. Сначала царь к вновь назначенному министру проявлял чувство полного доверия, радовался сходству во взглядах. Это был медовый месяц, порою долгий. Затем на горизонте появлялись облака. Они возникали тем скорее, чем более министр был человек с принципами, с определенной программой. Государственные люди, подобно Столыпину, Витте, Самарину, Трепову, посчитали, что их программа, одобренная царем, представляла достаточно крепкую основу, чтобы предоставлять им свободу в проведении деталей намеченного плана. Однако ж государь смотрел на дело иначе. Зачастую он желал сам проводить в действие подробности, даже не касавшиеся самого дела, а лишь известной его части, или даже личные назначения.

Встречаясь с подобным отношением, министры реагировали согласно своему индивидуальному темпераменту. Одни, как Кривошеин, Ламдздорф, Сухомлинов (министры: земледелия, иностранных дел, военный. – А. С.), мирились и соглашались. Другие, менее податливые, либо стремились действовать по-своему, ведя дело помимо царя, либо же пускались переубеждать его. Первый из этих способов вызывал живейшее недовольство государя, но и второй таил в себе немалые опасности. Царь схватывал на лету главную суть доклада, понимал, иногда с полуслова, нарочито недосказанное, оценивал все оттенки изложения. Но наружный его облик оставался таковым, будто он все сказанное принимал за чистую монету. Он никогда не оспаривал утверждений своего собеседника, никогда не занимал определенной позиции, достаточно решительной, чтобы сломить сопротивление министра, подчинить его своим желаниям и сохранить на посту, где он освоился и успел себя проявить. Не реагируя на доводы докладчика, он не мог вызывать со стороны министра и той энергии, которая дала бы тому возможность переубедить монарха. Он был внимателен, выслушивал, не прерывая, возражал мягко, не подымая голоса.

Министр, увлеченный правильностью своих доводов и не получив от царя твердого отпора, предполагал, что его величество не настаивает на своих мыслях. Царь же убеждался, что министр будет проводить в жизнь свои начинания, несмотря на его, императора, несогласие. Министр уезжал, довольный тем, что смог убедить государя в своей точке зрения. В этом и таилась ошибка. Где министр видел слабость, скрывалась сдержанность. По недостатку гражданского мужества царю претило принимать окончательные решения в присутствии заинтересованного лица. Но участь министра была уже решена, только письменное ее исполнение откладывалось.

«Спорить было противно самой природе царя»¹⁰. А может быть, он считал, что спор с подданным не к лицу монарху? Некоторые министры, долгие годы бывшие «докладчиками», называли стиль управления Николая II «вотчинным».

Борьба двух тенденций общественного развития – курса реформ и консервации существующего, разумеется, не могла разрешиться сменой «управ. делами» империи (как именовали тогда в печати министров внутренних дел).

«Если бы молодой царь, – писал профессор Б.Н. Чичерин в статье „Россия накануне XX в.“, – даже пошел по пути, указанному дедом, то благоразумные русские люди были бы довольны». Профессор и влиятельный общественный деятель – Чичерин был городским головой Москвы – издал свою записку за границей; легальная либеральная оппозиция прибегала к нелегальным формам борьбы. Отстаивая необходимость введения представительских выборных органов в России, профессор Б.Н. Чичерин отмечал тот горестный факт, что власти, преследуя либералов, стоящих на легитимной почве, в то же время представили полную свободу действий сторонникам социалистических теорий, социализм представлялся безвредным, он пока выступал в теоретической форме. При этом, разъяснял Чичерин, часто забывали о таких предшественниках Маркса, как Чернышевский и Добролюбов, благодаря которым социализм давно пустил корни на русской ниве. Отмахиваться от этих явлений нельзя, ибо социалисты-радикалы – это не мухи на полотнах великих художников. Социализм перестал быть

теоретическим, он открыто бросил политический вызов власти, отвергая и курс реформ. Это писалось вскоре после издания Манифеста российской социал-демократической партии – первой политической партии в истории России. «Нужно незамедлительно, – заклинал Чичерин, – вернуться к курсу реформ Александра II», осуществившего «величайшие преобразования», «восстановить их в полной силе».

Как бы ответом на призыв профессора Б.Н. Чичерина, известного еще со времен Герцена и Чернышевского врага всякой нелегалщины, явилось создание за границей группой конституционалистов журнала «Освобождение» под редакцией П.Б. Струве, порвавшего с марксизмом, принявшим в России самые радикальные формы, вплоть до политического террора. «Освобождение» стало органом, центром земского конституционалистского движения, быстро ширящегося в стране.

На рубеже веков в России произошла серьезная перегруппировка политических сил. «Историческая» власть, консервативный лагерь имел под собою уже не только легальную оппозицию, земство, либеральную профессуру, но и политический радикализм, окрашенный в социалистические тона, исповедовавший всяческую «нелегалщину». Борьба этих трех течений как теоретическая тенденция наметилась в публицистике, в «толстых журналах» и в «летучий листках» – прокламациях еще в 1861 г., теперь это была уже не теория, и даже не только политическая доктрина, а живое общественное движение.

Из академических аудиторий, из кабинетов ученых социализм вышел на улицу, проникал под фабричные своды и соломенные кровли. Просвещенная бюрократия забила тревогу, но власть не вдруг сумела выработать надлежащие формы противостояния. Политическое насилие не может получить простора в стране, где своевременно происходит на законодательной легитимной основе отмена отживших форм, учреждений, нормативных актов. Весной 1901 г. князь Святополк-Мирский – виленский генерал-губернатор – писал, что «социалисты не без успеха ждут массовую опору, что в последние три-четыре года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного пролетария, считающего своим долгом отрицать семью и религию, пренебрегать законом, не повиноваться властям и глумиться над ними. Эта ничтожная горсть террористически руководит всей остальной инертной массой рабочих»¹¹.

Эти политические сдвиги напрямую были связаны с индустриализацией страны, очередным этапом промышленной, научно-технической революции, захватившей Россию, что вызвало существенные социальные сдвиги, вели к перегруппировке социально-классовых сил, новой политической расстановке.

Великий историк академик В.О. Ключевский указывал, что аграрная Россия становится фабрично-заводской и за привычным противостоянием крестьян и помещиков, борьбой труда и капитала уже выделяются новые социальные группы, связанные с напряженной умственной теоретической работой.

В прессе тех лет содержится немало острых социально-психологических зарисовок, раскрывающих громадные последствия промышленной революции, ломающей традиционные патриархальные формы жизни, труда, обычаев и нравов. Очевидцы, в том числе священнослужители, с горечью отмечали, что молодые крестьяне, вставая в ряды пролетариев, «отщепляясь» от деревни, порывали с религией и православной нравственностью. Молодые рабочие перед первым спуском в шахту, которая представлялась им своего рода преисподней, крошечной тьмой, срывали с груди нательные кресты.

Уходила в небытие аграрно-крестьянская страна, а вместе с ней уходило в прошлое и «равенство в молчании». В такой стране, как Россия, где подавляющая часть населения – свыше 90 % – была напрямую связана с земледелием, любой вопрос так или иначе упирался в аграрно-крестьянский и, в конечном счете, в вопрос о земле. На рубеже веков остро встал вопрос о малоземелье крестьян, о прирезке земли к наделам, определенным еще в 1861 г. За

полвека после «великих реформ» численность населения, прежде всего крестьянства, возросла почти вдвое, а мужицкие земельные наделы остались прежними. Дебатировался уже не вопрос о «прирезке» наделов, а вопрос о том, откуда землю для прирезки взять. Левые радикальные силы призывали к ликвидации помещичьего землевладения, открыто звали к разгрому помещичьих усадеб.

«Разоряйте гнезда, воронье разлетится», – взывали прокламации. Кровавые всполохи пожаров левые называли не без тайного злорадства «иллюминацией» боярских вотчин. Более умеренная оппозиция, земцы, утверждали, что «прибавка, прирезка земли крестьянам не поможет, разговоры о прирезке наделов абстрактные фантазии, дело не в малоземелье, земли в России не мало, но она скверно обрабатывается». Так писал публицист, поклонник и знаток Герцена земский деятель Ф.И. Родичев – вспомним это имя, в недалеком будущем Родичев станет одним из активных думских деятелей.

Для подготовки аграрных реформ император создает ряд специальных органов, как то: Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, обширную комиссию «для всестороннего обсуждения вопроса об экономическом упадке великорусского центра в связи с условиями хозяйственной жизни других частей империи»¹². Собранные данные убедительно говорили об экономическом упадке центральных губерний, то есть великорусского ядра, базы империи, о катастрофическом недостатке земли у крестьян вследствие быстрого роста населения, возникновения аграрного перенаселения в великорусских губерниях. Даже «Новое время», известное своим трезвым консерватизмом, вызывавшим раздражение левых публицистов, в новогодней статье на 1902 г. признавало, что оскудение великорусских губерний является следствием неудовлетворительной постановки у нас земледелия. Еще более важным было то, что сами крестьяне видели выход не только в «прирезке земли», в осуществлении «по манию царя всеобщего равнения», распределения всей земли по трудовой, единой для всех норме, но и в массовом переселении на свободные земли за «каменный пояс», где, по крестьянской молве, располагалось Беловодье – страна изобилия и вольности. За первые пять лет царствования Николая II более миллиона крестьян переселились за Урал, значительная их часть поселилась в Западной Сибири в приалтайских степях на удельных землях, переданных императором в переселенческий фонд.

В январе 1902 г. император принимает исключительно важное решение. Он утверждает положение об Особом совещании о нуждах сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. Оно имело огромное значение для всей последующей аграрно-крестьянской политики вплоть до революции и ленинских декретов о земле. Остановимся на этом решении, его значимости и последствиях, ибо здесь ключ к пониманию острой борьбы по аграрно-крестьянскому вопросу как в Государственной Думе, так и вне ее. Согласно положению, Совещание работало под председательством министра финансов Витте, в него входили руководители ряда других министерств и ведомств (минвнутрдел, земледелия и др.). Знаменательно, что в Совещание был включен наряду с министрами председатель Московского общества сельского хозяйства князь А.Г. Щербатов, имевший репутацию специалиста-аграрника.

По замыслу императора Совещание должно было дать материал для определения общей направленности аграрного развития страны, он обращался к практикам, не видя в спорах теоретиков – знаменитом споре западников и славянофилов-почвенников – ответа на вопрос, куда идет русская деревня.

При организации работы Особого совещания император принял принципиальное решение, начисто отменяя выборное начало при составлении как центрального органа, так и его местных представительств. Если в столице все сосредотачивалось в руках руководителей важнейших министерств, как то: финансов, земледелия, внутренних дел, то во всех губерниях Европейской России создавались губернские комитеты по изучению нужд сельхозпромышленности. Председательствовал в них губернатор, входили в его состав высшие чины

губернской администрации и по должности представители дворянства – председатели и члены земских управ. Председатель мог пригласить по своему выбору лиц, «участие коих сочтет полезным». Аналогично обстояло дело и в уездах, только там председательствовал уездный предводитель дворянства. Было создано около 600 комитетов, имевших весьма широкие полномочия. Губернские комитеты получились более «казенными», уездные – где, по существу, было задействовано все уездное земство, имели более общественный характер, были более самостоятельными. Комитеты и вся сеть Особого совещания почти не касалась общеполитических проблем, сосредоточив внимание на изучении положения русской деревни, на поиске путей повышения эффективности земледелия.

Убийство в мае 1902 г. Сипягина и казнь террориста – это был первый в царствование Николая II смертный приговор – не изменили политическую направленность работ Особого совещания. В пожеланиях нескольких уездных комитетов говорилось о необходимости политических реформ, о введении народного представительства, резко усилились противоречия между властью и общественностью и в ряде случаев губернаторы снимали с обсуждения доклады за их антиправительственную направленность. Так, в Харькове один докладчик заявлял, что без образования органов народного представительства не устранить главных причин оскудения деревни, что нельзя истреблять комаров, сохраняя вампиров. В некоторых губернских комитетах (Москва, Тамбов, Тверь и т. д.) дело доходило до раскола и демонстративного ухода с заседаний меньшинства.

В многотомных трудах этих 600 комитетов, содержащих уникальные данные, можно найти отголоски едва ли не всех мнений, направлений, школ тогдашней общественно-политической и юридической мысли.

Еще до окончания работы, до издания всех трудов Совещания, редакция популярного юридического журнала «Право» (редактор-издатель профессор И.В. Гессен), используя рукописные материалы – результаты работы примерно трети губернских комитетов, – издает свою сводку данных под титулом «Нужды деревни»¹³, с предисловием доцента П.Н. Милюкова, уже тогда выдвигавшегося в лидеры земско-конституционного движения.

Многие заявления губернских и особенно уездных комитетов напоминали адрес при восшествии на престол императора и содержали едва ли не единодушные пожелания об укреплении земств, расширении их на западные и восточные земли, то есть превращении их во все-российские органы самоуправления, было также требование уравнивания крестьян в правах с другими сословиями (не путать с левым лозунгом упразднения сословий, то есть речь шла не об уничтожении дворянских прав, а о возвышении мужика). Общеизвестным было также пожелание о введении всеобщего начального образования. Именно эти требования – а это голос земли русской – легли в основу целого пакета законопроектов, подготовленных «просвещенной бюрократией» в императорском правительстве и внесенных затем в Думу. Именно здесь в материалах комиссий Особого совещания, работавшего с 1899-го вплоть до 1905 г., лежат корни, истоки думского законодательства и острой борьбы, буквально раскалывавшей целое десятилетие Думу и общество. И вполне понятен повышенный интерес к этим материалам ведущих русских юристов. Материалы комиссий, изданные редакцией «Прав», важны еще в одном отношении, а именно – для решения спора о судьбе русской земледельческой общины, артельных форм хозяйствования, предпринимательства вообще.

В специальной литературе немало содержится утверждений, что община себя к началу XX в. полностью изжила и русское общественное мнение якобы высказывалось за ее ликвидацию, что потом нашло отражение и в правительственной политике. Но материалы вышеупомянутых комитетов и сборника «Нужды деревни» говорят нечто иное. Большинство губернских комитетов высказалось не за полное упразднение, а лишь за предоставление крестьянам права свободного из нее выхода. Но даже если считать требование свободного выхода упразднением общины, что, конечно же, не так, то среди «большинства» этих, так сказать, противни-

ков общины нет комитетов великорусских губерний, этого ядра державы российской, как то: губерний Московской, Тверской, Владимирской, Тульской, Тамбовской, Нижегородской, Вятской. Именно тут в «ядре державы» преобладали сторонники общины, артельных форм, этого практического воплощения православной соборности. Более того, уже тогда, в начале века, в указанных комитетах обсуждался, а в Вятском комитете был принят и включен в решение принцип поддержки со стороны общества и государства общины с последующим ее развитием в кооперативные формы собственности и производства. Это была защита артельной обработки земли, артельных форм труда и жизни.

Нельзя не учесть и другое. Далеко не все «противники общины» высказывались за полное ее упразднение. Только 52 комитета (из 600!) предлагали отмену общинного землевладения в законодательном порядке. Многие говорили просто об облегчении выхода из нее, за право свободного перехода к подворному владению без принудительных мер. Характерно, что комитеты высказывались против частного владения землей, а если речь шла о праве продажи земли, то исключительно только крестьянам-земледельцам. Таков был голос земли, людей не отвлеченных теорий, а практики. Характерно, что из 600 комитетов только в решениях восьми содержались пожелания конституции.

В порядке предварительных итогов работы Особого совещания его комитетов император издает 26 февраля 1903 г. Манифест. В нем говорилось, что смута, посеянная увлечениями, чуждыми русской жизни, препятствует усилиям императорской власти по «улучшению народного благосостояния», невзирая на смуту и в противоборстве с нею власть намеревалась осуществить ряд намеченных ею ранее преобразований. На первом месте стояло царское предписание всем властям неуклонно соблюдать заветы веротерпимости. Этот принцип впервые появился в Манифесте, и с тех пор постоянно был в центре внимания императорского правительства.

Манифест предписывал передачу всех материалов Особого совещания в местные органы власти «для дальнейшей их разработки и согласования с местными особенностями в губернских совещаниях при ближайшем участии достойнейших деятелей, доверием общественным облаченных. В основу их трудов положить неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения, изыскав временно способы к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины. Принять безотлагательные меры к отмене стеснительной для крестьян круговой поруки». Манифест также предписывал преобразование местного самоуправления и «для изыскания способов удовлетворения многообразных нужд земской жизни трудами местных людей, руководимых сильной и закономерной властью». Для разработки реформы местного управления была в начале 1903 г. создана специальная комиссия под председательством С.Ф. Платонова. Комиссию Платонова позже именовали «комиссией по децентрализации», ибо ее основной целью было усиление местных органов управления.

Через две недели после Февральского манифеста, 12 марта, был опубликован закон об отмене круговой поруки.

Нельзя не отметить огромную важность провозглашенных Манифестом 26 февраля принципов, как то: сотрудничество администрации с местными органами самоуправления, земствами и городскими думами, децентрализация, провозглашение веротерпимости, учет местных особенностей, наконец, признание общинных форм жизни и труда и одновременной отмены стеснительной для последних круговой поруки. Это был шаг в правильном направлении – предоставление свободному земледельцу права свободного избрания способов и форм хозяйственной деятельности. Свободный земледелец в свободной стране – вот конечная цель пути, который указывался Манифестом. Увы, эта цель оказалась недостижимой и остается таковой и на исходе столетия.

В октябре того же 1903 г. (с 10 по 24 октября) под председательством В.Н. Коковцова подводила итоги двухлетних трудов комиссия по вопросу упадка великорусского центра. Были

изучены обширные статистические данные, произведено сопоставление данных по центральным (великорусским) губерниям с материалами по другим частям державы. Комиссия Коковцова была весьма представительной и авторитетной, в ней по царской воле работали представители 14 министерств и ведомств (финансов, земледелия, внутренних дел, департамента уделов и др.), а также 18 известных земских деятелей. В комиссии возникли острые прения уже при определении предмета обсуждения, раздались голоса, что речь идет не об упадке великорусского центра, то есть упадке русского крестьянства, русских традиционных промыслов, а о явлении общероссийском; однако после обмена мнениями, изучения конкретного материала сошлись на том, что да, есть симптомы упадка повсюду, но в центре «упадок выразился наиболее резко».

И опять приходится говорить о застарелом недуге нашей жизни; правильный диагноз был поставлен без малого сто лет назад, а врачевание все еще не завершено или оно не начиналось?!

Комиссия Коковцова работала в условиях резкого обострения противоречий между властью и обществом, последнее, то есть либеральная легитимная оппозиция, прежде всего земцы-конституционалисты (о них ниже), все более и более противопоставляло себя «исторической» власти, перекладывая на нее всю вину за бедствия и неудачи, многие из которых носили объективный характер. Так и теперь. Земские деятели – члены комиссии Коковцова подали на высочайшее имя записку, утверждая, что одних экономических мер для исцеления недугов, поразивших великорусский центр, недостаточно, нужно прежде всего изменить социальное и правовое положение крестьян, отменить телесные наказания, ограничить власть земских начальников, стесняющих мирское крестьянское самоуправление, облегчить крестьянам, по их желанию, выход из общины, принять меры по развитию народного просвещения, и, наконец, требовала создания районных земских съездов (волостных земств), а также изменения работы по подготовке законопроектов, касающихся села, то есть передачу проектов, касающихся местных условий, на заключение земских собраний. Это было принципиальное требование – «земля» требовала от власти, чтобы ее выслушивали, с ее мнением считались.

Это пожелание «земли» земцев власть отвела, прибегнув к чисто формалистическим уверткам. Коковцов заявил, что поднятые в записке земцев вопросы не входят в компетенцию комиссии, созданной лишь для обсуждения хозяйственного оскудения центра.

Нельзя, говорил министр, объяснить этот упадок общими причинами, это, мол, граничит с отрицанием мер по удовлетворению местных нужд. Но упадок центра имел не только местные корни. Одним словом, «истребляя комаров, не забывайте о вампирах».

Выводы комиссии Коковцова были скромными. Комиссия рекомендовала увеличить субсидии земствам, поддержать кустарные промыслы, упорядочить переселенческие дела, сократить выкупные платежи. Это были все же не более как полумеры.

Начало века ознаменовалось трагическим раздвоением русской жизни. Все образованное общество («публика» или «интеллигенция», лица свободных профессий), за весьма малым исключением, оказалось в состоянии резкой, непримиримой оппозиции к правительству, «исторической» власти. По инициативе левых (эсдеков, эсеров) был выдвинут и подхвачен «публикой» боевой клич «Долой самодержавие!»; в легальных подцензурных изданиях он заменялся критикой «бюрократии», административной системы, под которой легко угадывалась «историческая» власть, монархический строй. В условиях быстро нарастающей политической конфронтации всякое разумное реформирование устаревших форм неизбежно оценивалось по этой радикальной шкале – за или против самодержавия. Альтернативой последнему являлась конституция.

Как говорилось в передовой статье первого номера журнала «Освобождение» – этом инкубаторе партии кадетов – широких реформ, в которых нуждается страна, нельзя ждать и нелепо требовать от самодержавной власти и такого ее министра, как Витте, «их может дать России только хорошо организованное народное представительство». В разработке и

пропаганде этих дней и настроений, в конечном счете приведшим к Государственной Думе, «Освобождение», несомненно, сыграло главную роль. Его редакция, ее актив (П.Б. Струве, П.Н. Миллюков), обладая связями в самых различных кругах общества, не только в земстве, в городских думах, но и среди просвещенной «бюрократии», получала обширную информацию, публиковала всевозможные записки, часто весьма конфиденциальные, письма, фельетоны; разумеется, все это делалось в целях «обличения самодержавия». Современники упрекали «Освобождение» даже в распространении политических сплетен.

Русское образованное меньшинство (публика, интеллигенция) было убеждено, что самодержавие изжило себя. *Как ни парадоксально это звучит, но и некоторые влиятельные консервативные деятели (Победоносцев, Плеве) по существу исходили из принципа неизменности самодержавия, то есть лишали самодержавие будущего, отрицая возможность разумного реформирования, – ничего нельзя менять без угрозы всеобщего обвала.* Таков был принцип этих охранителей. Отсюда повышенное внимание к запретам и репрессиям. Невольно вспоминаются горькие слова, сказанные Александром III Победоносцеву – своему наставнику и воспитателю: «Ты как жгучий мороз, гнить не даешь, но и расти не позволяешь».

Это охранение без творчества, это стремление законоуравнивать и сохранять даже отжившее стало сутью внутренней политики при таких министрах, как Сипягин и Плеве.

На бессмысленность такого охранительного консерватизма указывали даже убежденные защитники «исторической» власти. Известный Лев Тихомиров – в молодости член устрашающего исполкома «Народной воли», а затем непримиримый враг экстремизма – писал в книге «Монархическая государственность»: *«Беспрерывно и бесконечно возрастающая административная опека приводит общественные силы к расслаблению. Так, воспитываемая нация не может не потерять политический смысл и должна все более превращаться в толпу»*¹⁴. Л. Тихомиров употребил почти те же доводы, что перед ним использовал министр Горемыкин. Самовластие, удушающее самоуправление, разрушает общество, превращая сограждан в толпу, в пыль.

Провозглашенные императором принципы в жизнь не проводились. Более того, созданное по его повелению Особое совещание, труды которого он поддержал лично, постепенно свертывало свою работу. По приказу Плеве статистическая работа по изучению деревни была прекращена в июне 1902 г. по причине «неблагонадежности» земских статистиков и тенденциозности их выводов. «Политическая неблагонадежность земской статистики есть, конечно, несомненный факт, – отзывалось на приказ Плеве „Освобождение“. – Было бы жалкой уловкой отрицать это. Но, – добавлял журнал, – вся идейная интеллигенция политически неблагонадежна». И с этим выводом осведомленных современников нет смысла спорить. Но это повеление Плеве характерно в другом аспекте – политически благонадежных людей нет, значит, следует прекратить исследование державы. Статистики мутят народ. Вот это и есть охранители без творчества, как у Щедрина, тащить и не пущать!

Есть данные, что Плеве по воле царя исподволь готовил проект реформ, созыв Государственной Думы, но погиб в самом начале этой работы, она не сказалась на его политике.

В начале 1903 г. Плеве убедил императора свернуть работу Особого совещания под тем же предлогом борьбы со смутой. Но смута нарастала, студенческие волнения не прекращались, равно как и стачки рабочих и разгромы помещичьих усадеб (в том числе имений членов императорской фамилии). По всей стране на литературно-музыкальных вечерах читались стихи о ночи и заре, о грозе и весеннем громе, по рукам ходили подписные листы, жертвовали на «них» (студентов) и «нее» (революцию), «лес рубят, молодой зеленый лес», – несло с эстрады, и зал взрывался овацией, понимая, что речь идет о молодой мятежной России. «Буря, скоро грянет буря!» – звучало уже как призыв. А знаменитая «Дубинушка» стала подлинным гимном оппозиционных сил.

В январе 1904 г. в тяжелые обстоятельства, определяющие правительственную политику, ворвалась война¹⁵. Великая империя, захваченная врасплох, терпела одно за другим тяжелые поражения, вызывавшие взрывы негодования оскорбленного чувства национальной гордости.

Несомненно, военный фактор сыграл громадную роль в изменениях внутренней политики, но его влияние неоднозначно. Вначале, особенно под впечатлением вероломного нападения на Порт-Артурскую эскадру, гибели «Варяга», пробудилась мощная волна патриотических чувств, заговорило оскорбленное чувство национальной гордости. Песни тех лет, особенно о славном «Варяге» – ставшая давно народной, говорят сами за себя. Петербург был потрясен спонтанно возникшими патриотическими манифестациями. Даже университет – этот очаг смуты, взорвался грандиозной сходкой, завершившейся шествием к Зимнему дворцу с пением «Боже, царя храни!». Молодежь вдруг уразумела, что слова гимна – это моление во спасение Отечества. Для нашей темы особо важен следующий аспект патриотического движения – когда посыпались неудачи: падение Порт-Артура, Ляолян, Мукден и, наконец, Цусима, то это же *чувство попранной национальной гордости обернулось против собственной власти – виновницы национальной трагедии. От японцев как-то вдруг перебросились на собственного царя*. Этот поворот «все вдруг кругом» особенно ярко проявился в поведении земских конституционалистов. В январе 1904 г. в Петербурге состоялся нелегальный съезд Союза освобождения (формируемой партии кадетов), избравший тайный руководящий центр, который был буквально захлестнут патриотической волной. Земские и городские думы и управы, дворянские и купеческие собрания посылали в столицу адреса и телеграммы. Совещание в Москве 23 февраля земцев-конституционалистов приняло решение: ввиду нападения японцев прекратить выдвижение конституционных требований.

Редакция «Освобождения», руководители земско-конституционного движения оказались в сложном положении. П. Струве попытался как-то совместить патриотизм, отражение японской агрессии с конституцией и выдвинул в «Письме к студентам» призыв, явно адресуясь и к левым силам. Кричите: «Да здравствует армия, да здравствует Россия, да здравствует свобода!» Но похоже, что эта триада не сработала, и студенты-радикалы заявили, что эти три здравицы лучше заменить двумя испытанными словами – «Долой самодержавие!».

В литературных кругах, а в России это – всегда барометр общественных настроений, преобладали опасения, что победа в войне приведет к укреплению самодержавия и надолго отсрочит введение конституции. Еще более определенно, явно пораженчески, были настроены эсдеки и эсеры. Известный террорист Каляев (убийца великого князя Сергея) заявлял: «Всех обьял патриотизм. Повальная эпидемия глупости. На героев войны (команду „Варяга“, защитников Порт-Артура) зевают разинувши рты».

Широкую известность приобрели слова, якобы сказанные Плеве: «Нам нужна короткая победоносная война». Но война, развязанная Японией, опиравшейся на союзную с ней «ладычицу морей», в обстановке крайне для России невыгодной, пагубной, была чем угодно, но только не войной, устроенной царем и его министрами для укрепления самодержавия.

Влияние войны в другом. Война потребовала общенационального напряжения сил, и царь для укрепления единства попытался найти общий язык с оппозиционной либерально-демократической общественностью. Действия императора, порывавшего с обанкротившимся курсом Плеве, заслуживают внимания, особенно в контексте событий. Конец июля 1904 г. ознаменовался двумя крупными событиями, а именно: 28 июля русский флот попытался прорваться из осажденного Порт-Артура во Владивосток, но в тяжелом бою потерпел неудачу. Это был конец первой тихоокеанской эскадры. 30 июля в царской семье родился долгожданный наследник. Крестным отцом его стал германский император Вильгельм II. По этому случаю в торжественном манифесте провозглашались традиционные милости и льготы – прощение недоимок и законодательная полная отмена телесных наказаний. Но в эти же августовские дни на полях Маньчжурии произошло первое генеральное сражение при Ляоляне и армия

Куропаткина, понеся большие потери, отошла к Мукдену. Новогодний рубеж принес весть о падении Порт-Артура, а затем последовало Кровавое воскресенье. Именно в эти дни потрясенный Ключевский и записал в дневник, что 9 января горше Порт-Артура – войска стреляли в свой народ, и сделал вывод, что тем самым династия подписала себе смертный приговор – Алексей царствовать не будет!

Именно после Ляояна, падения Порт-Артура и гибели флота в стране в общественном мнении стало крепнуть убеждение, что конечная победа над Японией проблематична.

Император был настроен решительно: «Буду продолжать войну до конца, до дня, когда последний японец будет изгнан из Маньчжурии», – писал он в октябре своему кузену Вилли. Это было невольное повторение известных слов Александра I в «грозу двенадцатого года». Сходные ситуации порождают и сходство чувств и мыслей у людей, отвечающих за Отечество.

В эти дни борьбы, упований и горьких разочарований и катастроф император вручает судьбу страны князю П.Д. Святополк-Мирскому – опытному сановнику, занимавшему до этого должность товарища министра внутренних дел, имевшему репутацию либерально мыслящего и просвещенного деятеля. Современники свидетельствуют, что во время аудиенции на вопрос императора о программе князь заявил, что считает прежде всего необходимым покончить с противопоставлением – «мы» и «они», власть и общество. И царь заметил: «И я так же думаю». Первые шаги князя-министра говорили о его серьезных намерениях. «Мы дадим земствам самую широкую свободу», – говорил он в беседах с корреспондентами своих и зарубежных органов печати.

Подлинную сенсацию вызвали его слова о взаимном доверии власти и общества. Это было возвращение к курсу Горемыкина в 1899 г., так несчастливо оставленному. Искреннее и благожелательное отношение власти к земству, другим общественным организациям было пока лишь декларацией о добрых намерениях, но после Плеве с его охранительством это вызвало взрывы надежд и радостных упований. Слова министра – веяние весны, ее первый явный признак, это эра доверия, восклицал редактор-издатель «Нового времени» А. Суворин (известный «реакционер», друг, издатель А.П. Чехова). Шаг вперед – впервые за 100 лет шаг (писало «Новое время» 24 сентября). Вот так, впервые за столетие, струя свежего воздуха, весна, но не оттепель, как у Тютчева в 1854 г. и у Эренбурга через век, а весна, купель, ручьи – буйство красок, половодье чувств. Без учета этой весенней свежести нельзя понять статью профессора Е.Н. Трубецкого «Война и бюрократия», появившуюся 26 сентября в журнале «Право» – ставшем в эти дни рупором создававшейся партии кадетов.

Основная мысль статьи вынесена в ее название, именно всевластная бюрократия повинна в трагедии Порт-Артура. «Русское общество спало по распоряжению начальства», «Россия проспала появление врага на Востоке», «Пока русское общество спало, над ним бодрствовала бюрократия», и главный вывод: «Не армия и флот терпят поражения! То были поражения русской бюрократии!»

Весьма примечательно, что в эти же дни другой известный автор, журналист, первое перо «Нового времени» М. Меньшиков в тех же словах определял причины национальной трагедии: «Все

бессилие России в искусственном сне народном, который для чего-то (власти?! Кто, если не они?!) поддерживают». «Освобождение» в октябрьском номере пытается опровергнуть авторитетного князя-профессора: «Русское общество не было рабом бюрократии и не спало, а работало для блага России и творило ее силы». Видимо, себя редакция и зачислила в ряды этих творцов русской силы!

Слова князя Святополк-Мирского и первые статьи, свободно критикующие власть, свидетельствует С.С. Ольденбург, как бы пробили брешь, русское общество заговорило. Земские управы, городские думы стали присылать новому министру приветственные адреса¹⁶.

Ход событий вскоре показал, что слова у Святополк-Мирского не расходятся с делами. Оживившееся земство поставило князя перед трудным вопросом.

Земцы развернули осенью 1904 г. подготовку к своему съезду – первому общероссийскому, на котором намеревались провозгласить выработанную ими программу конституционных реформ. Сведения об этом дошли до министра и встретили с его стороны вполне доброжелательное отношение.

В это же время, в начале октября, в Париже произошло совещание оппозиционных и радикальных сил (Струве, Милюков, Чернов, Азеф, Натансон, Богучарский, представители польских, прибалтийских, грузинских, финских партий – едва ли не все политические аспекты, за исключением большевиков). Совещание приняло резолюцию об уничтожении самодержавия, создании демократического строя на основе всеобщего равного тайного избирательного права, а также о праве наций на самоопределение. Участие в этом совещании конституционалистов-демократов во главе с Милюковым и Струве свидетельствовало о намерении кадетов использовать революционные силы, методы политического насилия вплоть до террора в своих целях для давления на правительство. Позже в мемуарах Милюков отрицал это, заявляя, что не знал о всех действиях левых партий, представленных на парижском совещании. Решения этого совещания, несомненно, отразились в последующей практике кадетского движения.

Когда земцы-конституционалисты представили Святополк-Мирскому программу намечаемого земского съезда, они, естественно, декларировали свою легитимность, в таком духе министр изложил дело императору, испрашивая разрешения на всероссийский съезд представителей земств. Царь не дал безусловного согласия. Он выразил сомнение по составу, как он выразился, созданного по импровизации левых сил съезда, лучше его отложить на несколько месяцев. Министр попал в трудное положение, ведь в предварительном порядке он уже разрешение свое дал. На встрече с руководителями съезда, уже прибывшими в столицу, министр заявил, что официально разрешить съезд не может, но не возражает, если съехавшиеся в столицу деятели «негласно» проведут свои встречи и обсудят проблемы как бы частным образом, без официальности. На том и сошлись.

С 6 по 9 ноября в столице прошли «частные» совещания земцев-конституционалистов. Решения съезда означали победу сторонников конституции в земском движении. *В краеугольном вопросе о ликвидации неограниченного самодержавия, законодательном закреплении принципов конституционной монархии победили радикалы.* Умеренные во главе с председателем московской губернской земской управы Д.Н. Шиповым, кстати председательствовавшим на съезде, остались в меньшинстве (38 голосов против 60). Западник-англоман П.Н. Милюков восторжествовал над почвенником Д.Н. Шиповым, идея европейского парламентаризма взяла верх над принципами земской соборности.

Когда министру стало известно о решениях съезда, он был более чем смущен, его попросту конституционалисты подвели, ведь были же с их стороны заверения, что не о конституции пойдет у них речь, а лишь о земской хозяйственной работе. Дебаты о том, как лучше обустроить и укрепить Русскую землю, неожиданно обернулись принятием конституционной хартии. В императорской фамилии не смогли скрыть досаду: «Мирский допустил обсуждение, сделал грубый промах», – записал в дневник великий князь Константин Константинович¹⁷.

Император выразил министру свое неодобрение, но отставки не принял, повелев «выправить» свою политическую линию.

Более того, царь принял предложение министра – созвать специальное совещание высших сановников империи для обсуждения плана возможных государственных преобразований.

В ноябре князь Мирский подал императору доклад с приложением проекта указа «О различных вольностях», в том числе о привлечении в Государственный Совет выборных и о даровании полной свободы вероисповедания старообрядцам. Это был первый шаг к преобра-

зованиям, задуманным министром¹⁸. Оба документа были подготовлены по поручению князя чиновником его министерства С.Е. Крыжановским, они «содержали обширную программу реформ», – пишет Ольденбург¹⁹.

Здесь мы впервые встречаемся с именем Сергея Ефимовича Крыжановского (позже товарища министра при Столыпине). Выпускник столичного университета, просвещенный бюрократ, но шла молва, что он и «вашим и нашим», смотря по обстоятельствам. Крыжановский сохранил старые университетские связи, был близок со многими видными кадетами (братьями Ольденбург, Вернадским и др.) и не случайно стал автором пакета важнейших законопроектов, составивших по их одобрению императором Конституцию Российской империи 1906 г.

С.Е. Крыжановский свидетельствует:

«4 ноября 1904 г. я был вызван к министру внутренних дел князю Святополк-Мирскому, он предложил мне составить верноподданнейшую записку о преобразованиях, назревших в общем строе государственного управления. Исходная точка – невозможность двигаться дальше по старому пути и необходимость привлечь общество к участию в делах законодательства. Указания князя были весьма неопределенны: ничем не затрагивать основ самодержавного строя, не намечать никаких новых учреждений, не касаться земских начальников, а с тем вместе облегчить общественную самодеятельность и наметить ряд льгот, могущих быть благоприятно принятым общественным мнением и не угрожающих прочности ни государственного строя, ни порядка управления.

Все это было высказано отрывочно и в значительной части в виде ответов на вопросы. Видно было, что мысль явилась у князя или была ему указана недавно, неожиданно и что он сам мало еще с нею освоился и в ней разобрался. В разговоре князь упомянул, что обратиться ко мне ему посоветовали, но кто именно, не сказал. По некоторым признакам я заключил впоследствии, что совет исходил от князя А.Д. Оболенского (вскоре ставшего обер-прокурором Святейшего синода. – А. С.). Срок дан был две недели.

Нечего и говорить, как я был рад неожиданному поручению. Весь вечер я пробродил по набережной, размышляя, как приступить к делу, и чувствуя себя едва ли не вторым Сперанским. К назначенному сроку всеподданнейший доклад был готов и конечные выводы облечены в форму манифеста... В докладе проводилась мысль, которую я теперь считаю правильной, что *правовой* строй, необходимый для развития и общества, и государства, вполне *совместим с самодержавием*. Во главу угла были положены вверху – объединение правительства, укрепление надзора за законностью путем постановки в независимое положение Сената и *призыв выборных* от губернских земств и крупных городов в состав Государственного Совета на равных с прочими членами основаниях; внизу – постепенная замена общинного владения единоличной собственностью и развитие деятельности *местных самоуправлений с восстановлением православного прихода* и по всей линии *раскрепощение личности* от отживших ограничений и от правительственной опеки в пределах, которых мне, всегдашнему стороннику сильной государственной власти, казались возможными и согласными с охранением преобладания русского народа как народа державного. Лишне, конечно, говорить, что доклад не заключал в себе чего-либо нового и не делал открытий. *Все*, отмеченное в нем, было *выдвигалось жизнью* и не раз служило предметом суждений и мечтаний в правительственных и даже более высоких кругах» (курсив мой. – А. С.).

Несколько замечаний вызывает это весьма ценное свидетельство осведомленного лица – важного соучастника задуманных реформ. Во-первых, замечание о Сперанском, мы еще не раз встретимся с подобными реминисценциями. Именно великому кодификатору принадлежала счастливая мысль приведения в единую систему всех структур управления – от волости, прихода, общины, крестьянского мира (волостная дума) вплоть до Государственной Думы и Госсовета. Эта мысль гения так и не была осуществлена в полном объеме при трех императорах (почему, это особый вопрос). И теперь уже при четвертом царе интуиция, эрудиция,

опыт подсказали Крыжановскому счастливую мысль вернуться к источникам попыток, к первоисточникам замысла о преобразовании России в правовое государство. Отмена крепостного права открывала для этого все возможности, отсутствовавшие во времена Сперанского. Крыжановский использовал это обстоятельство, и это дает ему право на благодарность соотечественников. **Фактически все последующие преобразовательные действия правительства Николая II восходят к этому докладу Крыжановского, забегая вперед, отметим, что этот гениальный план преобразования, основные контуры которого видны уже во времена князя Святополк-Мирского, не был осуществлен и к февралю 1917 г.** (об этом и пойдет речь впереди).

Для рассмотрения представленных Мирским документов (доклада и проекта указа) царь решил прибегнуть к советам членов императорской семьи и выслушать одновременно руководителей важнейших министерств и ведомств. В конце ноября Николай II под своим руководством проводит необычное по составу и задачам совещание.

Витте свидетельствует, что в совещание были приглашены «все министры», обер-прокурор Святейшего синода Победоносцев, председатель Госсвета и его товарищ, виднейшие чины императорской канцелярии, великие князья. Совещание должно было высказаться по проекту указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»²⁰. Главный смысл указа состоял в необходимости упорядочения дела подготовки законов и проведения их в жизнь в целях укрепления императорской власти.

Как повестка дня, так и состав совещания говорили о желании царя прислушаться к общественному мнению, учесть, так сказать, дух времени, а он был таков, что заставлял умы, и не только молодые, буквально клокотать. Витте, также приглашенный в совещание, замечает, что поворот в сторону общества был симптомом изменения политических взглядов царя, что ранее он при упоминании о мнении общества, необходимости с ним считаться неизменно парировал: «А какое мне дело до общественного мнения?» Государь полагал, что последнее суть мнения не народа, а горстки «интеллигентов». А его отношение к последней, считавшей себя носителем национального самосознания, лучше всего передает его реплика князю Мирскому: «Мне противно это слово». И добавил не то с иронией, не то саркастически, что следует повелеть Академии наук вычеркнуть это иноземное слово из словаря русской речи²¹. В свое время Павел I совершал уже нечто подобное, повелев не употреблять слово «гражданин» – как несущее вольнолюбивый дух, а говорить «обыватель» (термин, приобретающий уничижительное значение, хотя этимологически он не являлся таковым. В Западном крае обыватель – это владелец, постоянный, уважаемый житель местности). Но суть была, конечно, не в филологических лингвистических тонкостях. За словами стояло нечто более важное.

Император был убежден, что за него стоит весь народ, простой люд. «Все тебя обожают», – уверяла Николая II супруга, тогда как интеллигенция, и только она одна настроена против. Императрица в разговоре с князем Мирским резко заметила: «Да, интеллигенция против царя и его правительства, но весь народ всегда был и будет за царя». Мирский пробовал возражать: «Да, это верно, но события всегда творит всякую интеллигенция, народ же сегодня может убивать интеллигентов за царя, а завтра – разрушит царские дворцы. Это стихия».

Этот взгляд вытекал из общей историософии императора, считавшего, что Петр I совершил крупную ошибку, отойдя от политики своих предков, разрушил формы управления и национальный образ жизни, достигшие расцвета во времена Алексея Михайловича – его любимого государя. Интеллигенция – это один из результатов ошибочного курса Петра Великого и, еще более, его незадачливых преемников. Надобно сказать, что на эти темы Николай II говорил не часто и только с самыми близкими ему по духу, по настроению лицами²².

В этом плане совещание, организованное царем в исходе 1904 г., многозначительно. Речь пошла по-крупному, о выборе политической стратегии. Выступивший первым Витте говорил в

пользу реформ, ибо вести прежнюю политику реакции невозможно, это приведет нас к гибели. Он получил поддержку председателя Госсовета графа Сольского и ряда министров. Победоносцев, как обычно, считал, что «лучше всего ничего не менять». «По наиболее важному стержневому вопросу о привлечении выборных к участию в законодательстве большинство говорило за, против говорил Победоносцев К.П.», – вспоминает Витте²³.

Важные уточнения информации содержатся в уже отмеченных «Воспоминаниях» С.Е. Крыжановского: «1 декабря Святополк-Мирский сообщил мне, что государь, оставив у себя записку и проект манифеста, распорядился созвать на следующий день, 2 декабря, Особое совещание из высших сановников, в числе их Д.М. Сольского и С.Ю. Витте, для обсуждения изъясненных в записке предложений, причем определенно сказал, что Победоносцева он умышленно не приглашает как очевидного противника всякого новшества. Вечером 2 декабря, приехав к Святополк-Мирскому узнать, чем кончилось дело, я застал его пришибленным. Усталый, упавшим голосом рассказал он подробности заседания. Оказалось, что Его Величество изволил изменить свое решение и поздно ночью послал Победоносцеву записку, в которой писал примерно так: „Боюсь, что мы запутались, приезжайте, помогите нам разобраться“. В заседании, в которое прибыл и Победоносцев, первым открыл прения С.Ю. Витте, обрушившийся на предложение о допущении выборных от населения в Государственный Совет, доказывая, что это есть шаг к ограничению верховной власти. Витте поддержал, конечно, Победоносцев. Прочие, за исключением очень немногих, тоже отнеслись враждебно к предложениям, изложенным Святополк-Мирским, и дело свелось к назначению Особого совещания для соображения, что именно следует сделать. Стремления Витте, по словам Святополка, были направлены исключительно к тому, чтобы ценою чего угодно вырвать почин и захватить его в свои руки, как это впоследствии и оказалось. Видно было, что Святополк отстаивал свои положения неумело и слабо и был сразу сбит с почвы более искусными противниками. На вопрос мой, был ли оглашен всеподданнейший доклад в совещании, Мирский сказал, что не успел сделать это, так как начал кратким словесным изложением, в середине коего сразу возникли споры, и что проект Манифеста он передал С.Ю. Витте. Немного дней спустя я узнал кое-какие мысли и выражения этого Манифеста в последовавшем Высочайшем указе 12 декабря 1904 года. Кто составил этот указ, не знаю, равно как не присутствовал и при бесконечных заседаниях Комитета министров и Особых совещаний, обсуждавших под руководством Витте способы осуществления изложенных в этом указе Высочайших предначертаний, которые, впрочем, в большинстве остались на бумаге»²⁴.

В выборе курса реформ ведущая роль осталась за Витте. Уже здесь мы видим его склонность к авторитарности, к созданию сильного императорского правительства, главою которого он, естественно, видел себя. Это мнение возобладало.

Император согласился с мнением большинства, но определенного, четко зафиксированного решения совещание не приняло. Император подобных заключений всегда избегал, оставляя для себя возможность маневра. Проекты указов по материалам совещания и документов, представленных Мирским, царь поручил подготовить Витте, как председателю Комитета министров, и барону Э.Ю. Нольде (управляющий делами Комитета министров, крупный юрист), во время совещания Нольде молчал, пишет Витте. При подготовке проекта указа надобно было учесть ход прений, их направленность, позицию царя. «Указывалось, – вспоминает Витте, – на необходимость восстановить в империи законность, которая была значительно поколеблена в последние годы (то есть время Сипягина и Плеве), а в настоящее время и совсем свергнута в пропасть (это писалось во времена Столыпина. – А. С.). На необходимость изменения законов об инославных и иных неправославных вероисповеданиях (и в особенности много говорилось о смягчении суровых законов относительно старообрядцев) указывалось неоднократно, как и о веротерпимости и большей свободе вероисповедания, высказывались о необходимости привлечь общественных деятелей к общественным делам, особенно местным, то

есть расширить земские полномочия и земскую деятельность (коих Витте до сего был врагом упрямым. – А. С.), а равно и городские полномочия и городскую деятельность и пр. При этом был возбужден вопрос: «Каким путем пересмотреть все надлежащее законодательство и сделать в нем и в жизни Российского государства необходимые преобразования». Было решено, что все эти вопросы должны быть рассмотрены в Комитете министров. Последний должен дать направление всем этим преобразованиям, испрашивая в случае необходимости высочайшие указания.

«Это Совещание, – заключает Витте²⁵, – окрылило дух присутствующих, все были взволнованы мыслью о новом направлении государственного строительства и государственной жизни. <...> Граф Сольский обратился к государю с прочувственными словами благодарности, которую питают все присутствующие и разделяет вся Россия». Эта сцена была настолько трогательна, что некоторые не могли удержать слез радости и умиления. И сам Витте – злой гений этого указа, называет его историческим. Он мог им быть, но не стал именно по вине председателя Комитета министров.

Характерные признания о том, как указ 12 декабря был изуродован, сведен на нет, содержатся в мемуарах С.Ю. Витте. 11 декабря император вызвал председателя Комитета министров для беседы перед подписанием указа. На встрече в Александровском дворце присутствовал дядя царя великий князь Сергей Александрович. В начале встречи, определяя ее цель, император сказал: «Я этот указ одобряю, но у меня есть сомнение только по отношению одного пункта». (Речь шла о привлечении общественных деятелей к работе Госсовета. – А. С.) Витте отвечал с истинно византийским витийствованием, он заявил, что указ написан под его «непосредственным руководством» и он этот пункт считает совершенно необходимым, своевременным, но проведение этой меры – привлечение в выборной форме представителей общественности к законотворчеству, к участию в Госсовете – «есть первый шаг к представительному образу правления, к конституции», и если государь не желает конституции, то, конечно, «осторожнее было бы этот пункт не помещать». Короче, министр запугивал царя конституцией, стараясь попасть в тон царю, об опасениях которого он знал. Следует также учесть, что Витте попытался бросить тень и на идею Земских соборов, которую Николай II (особенно после бесед с А.И. Гучковым и речи С.Н. Трубецкого, приятно его изумившей) активно был готов поддерживать. Земские соборы рисовались Николаю II именно как его совет с выборными «лучшими людьми» «всея Русской земли».

Николаю II эпоха Алексея Михайловича чрезвычайно импонировала, тогда как к западничеству его сына он относился весьма критически. Этим определялся и выбор имени сына, и желание принять постриг и стать патриархом всея Руси, передав престол своему сыну Алексею, как было встарь. Поэтому выпад Витте против Земских соборов – это не второстепенная деталь, это выбор политической стратегии.

«Я высказал убеждение, что Земские соборы – это есть такая почтенная старина, которая при нынешнем положении неприменима; состав России, ее отношение к другим странам и степень ее самосознания и образования и вообще идеи XX и XVI веков совсем иные». Ссылка Витте на «самосознание» работает, однако, против него. Значительная часть общественности как раз высказывалась за то, чтобы учесть опыт Земских соборов. Труды о «советах всея Русской земли» Ключевского, Платонова и других специалистов привлекли внимание. Платонова активно поддерживал президент Академии великий князь Константин. Так что в вопросе о Земских соборах Витте явно передергивал. Речь шла о чем-то большем, чем соборы, о том, по какому пути пойдет становление представительных учреждений – эволюционным путем снизу, привлекая к законотворчеству по выбору от всех чинов и сословий «лучших людей», или это будет единовременный акт, реализация какой-либо «модели», изготовленная «русским Солоном» по иноземному образцу, разумеется самому разумному, единственно верному и пр., что

позволяет стране сразу же прорваться в круг «культурных стран света», как изящно выразился Витте.

Следует признать, что лукавый царедворец добился своего. «Когда я высказал свое мнение, его величество посмотрел на великого князя, который, видимо, был доволен моим ответом и одобрял его (Витте знал и учел, что Сергей Александрович играл в императорской фамилии роль не то нового Торквемады, не то Победоносцева в мундире: «Лучше всего ничего не менять!»). После этого государь сказал мне: «Да, я никогда ни в коем случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне Богом народа, и поэтому я последую вашему совету и этот пункт вычеркну». В тот же день Витте навестил князя Мирского. Указ был утвержден для публикации, но пункт о расширении Госсовета вычеркнут. Это, замечает мемуарист, очень огорчило князя Мирского. Текст был опубликован в Собрании узаконений 12 декабря 1904 г.²⁶

Указ начинался с весьма обещающего вступления, признавалось, что назрела потребность в переменах и к ним необходимо приступить «хотя бы намеченное преобразование вызвало внесение в законодательство существенных изменений». Но после удаления пункта о преобразовании Госсовета эта декларация зависала в воздухе. Более того, в тот же день, 12 декабря, публикуется специальное правительственное сообщение, разъясняющее недопустимость пожеланий земств о «реформе внутреннего управления», более того, указывалось, что сторонники этих реформ – земская, дворянская общественность, весьма, кстати, тогда еще умеренная и в своих домогательствах стоящая на почве ортодоксальной легитимности, – тем не менее обвинялась в соучастии в антиправительственной деятельности: «сами того не сознавая, действуют на пользу не родины, а ее врагов», земцы объявлялись пособниками японцев²⁷. Сторонники эволюционного, естественно-органического пути развития объявляются изменниками, тем самым расчищается поле деятельности для «русских Солонов», Робеспьеров и прочая. Витте знал, что делал.

Указ 12 декабря вызвал в обществе неоднозначные оценки. Совершенно бездоказательным, явно преувеличенным является утверждение редакции «Освобождения», что в указе виден «полный разрыв со всей политикой последних десятилетий!»²⁸.

Другой крайностью было заключение большевиков – указ и его поддержка в многочисленных адресах земств и дворянских собраний доказывают, что «русское либеральное общество ищет не свободы, а реформы, облегчающей существование». Но от самой существенной стержневой реформы правительство как раз отказывалось. Именно это заметил великий князь Константин Константинович, *подчеркнувший двойственность актов 12 декабря, признание необходимости реформ и одновременно суровое обвинение их сторонников*²⁹.

Нельзя не отметить замечание С.С. Ольденбурга – и исследователя, и современника, – что «одновременно с указом о реформах (в нем говорилось о свободе совести и о пересмотре законов о печати) было опубликовано правительственное сообщение, предупреждающее, что «земские и городские и всякого рода учреждения и общества обязаны не выходить из пределов, предоставленных их ведению».

На это сообщение было обращено больше внимания, чем на указ: Московское губернское земское собрание демонстративно прервало свое заседание, мотивируя это «волнением», которое вызывало у его членов правительственное сообщение³⁰. Ольденбург смягчает правительственную угрозу, содержащую по существу обвинение земцев в невольном пособничестве врагам России.

Витте, выхолостивший указ 12 декабря, позже в мемуарах оправдывался, мол, «указ даже и с вычеркнутым пунктом» мог бы успокоить общество, но он фактически не был введен в действие, «встретив скрытое затруднение». Указ 12 декабря, констатирует Витте, «не мог послужить к успокоению общества, а, напротив, иногда служил еще большему возбуждению обще-

ства, ибо если не все, то часть общества скоро и легко разобралась в том, что дело уже желают свести на нет»³¹. Министр, как видим, целит в императора, обеляя себя, но факты, им же приведенные, скорее говорят, что часто происки таких «политических хамелеонов», как Витте, сводили на нет законодательные инициативы императора.

Примечания

¹ Проект Сперанского впервые опубликован в 1809 г. в «Историческом обозрении», издаваемом Санкт-Петербургским университетом. Т. 10. С. 1—62. Опубликовано неточно в известном труде Шильдера Н.К. «Император Николай I». СПб., 1903. Т. 2. С. 372—394.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 12. С. 345—347.

³ Ключевский В.О. Письма, дневники, афоризмы. М., 1968. С. 391, 306.

⁴ Юристы составляли до 40 %.

⁵ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1994. Т. 1. С. 149. Во главе Пушкинского юбилейного комитета стоял великий князь Константин Константинович, президент Академии наук. Он много сделал для увековечивания памяти поэта, равно как и для академии.

⁶ Самодержавие и земство: Конфиденциальная записка министра финансов С.Ю. Витте / С предисл. и прим. Р.Н.С. Штутгарт, 1901. В.И. Ленин широко использовал записку в статье «Гонители земства и аннибалы либерализма», где резко осудил конституционалистов-земцев. В анализе генезиса антиконституциональных принципов Ульянова эта работа его имеет первостепенное значение. Не конституция, а революция спасет Россию. К этому сводилась позиция молодого Ленина (Старика) уже в 1901 г. Г.В. Плеханов, наоборот, настаивал на союзе с либералами конституционалистами. См.: ПСС. Т. 5. С. 25—70.

⁷ Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 151—152.

⁸ Там же. С. 156. Дмитрий Сергеевич Сипягин (1857—1902) — выпускник Петербургского университета, по жене, урожденной княжне Вяземской, в родстве с древними родами — Шереметевыми, Мещерскими. Любитель и ценитель древностей российских, сторонник самодержавия с Земским собором, «как встарь», что особенно нравилось царю. Сипягин считал, что, прежде чем Россию реформировать, ее надо хорошенько изучить. Он был одним из инициаторов Особого совещания о нуждах сельского хозяйства.

⁹ Там же. С. 157.

¹⁰ Мосолов А.А. При дворе последнего российского императора. М., 1993. С. 20—21.

¹¹ Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 161.

¹² Исследование экономического положения Центрально-черноземных губерний. Труды Особого совещания. 1899—1901 / Сост. А.Д. Поленов. СПб., б. г.

¹³ Нужды деревни по работам комитетов о нуждах с.-х. промышленности. Издание Н.Н. Львова и А.А. Стаховича при участии редакции газеты «Право». СПб., 1904.

¹⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1992. С. 391—398.

¹⁵ 27 января 1904 г. японский флот без объявления войны напал на русские корабли, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура. Русский флот понес потери. В строю осталось только 9 тяжелых кораблей против 14 японских. Японцы имели к тому же огромное преобладание в крейсерах и миноносцах. Господствуя на море, противник быстро перебросил в Маньчжурию огромную армию, обеспечив себе огромное превосходство. Россия имела на Дальнем Востоке менее 100 тысяч войск. Сибирская магистраль, еще не завершенная, пропускала только 4 эше-

лона в сутки. Год ушел на создание маньчжурской армии, но к тому времени пал Порт-Артур и погиб весь флот. Россия могла вытеснить японцев из Маньчжурии, но защитить Сахалин, Камчатку не могла. Тупиковая ситуация завершилась таким же мирным трактатом.

¹⁶ *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 158.

¹⁷ Дневник Константина Романова // Красный архив. 1931. № 1 (44).

¹⁸ *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 327.

¹⁹ *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. Публикация С.В. Пронкина. Крыжановский – последний государственный секретарь Российской империи (1911–1917), а до этого начальник департамента, товарищ министра внутренних дел при П.Н. Дурново и П.А. Столыпине. Имел репутацию эрудированного правоведа и был главным архитектором большинства законопроектов о преобразовании высших органов власти: Государственного Совета, Совета министров, Учреждения Государственной Думы, а также избирательных законов, в сумме составивших пакет конституционных реформ Николая II, то есть правовой основы думской монархии. Автор мемуаров пишет: «Я старался смотреть на все оком беспристрастного наблюдателя. Заметки эти изложены мною в 1912–1913 гг. по свежей памяти и по руководству во многих случаях теми записями, которые я делал, участвуя в разных совещаниях, а равно выписками из подлинного делопроизводства разных учреждений». В эмиграции автор опубликовал свои мемуары: *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Берлин, [1929]. Второй расширенный текст, конечно, более полон, но он несет отпечаток позднейших тяжелых размышлений и сетований о нереализованных возможностях.

²⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1904. № 189. Отдел 1. Ст. 1916.

²¹ *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминание. Архив русской революции. Берлин, 1934. Т. 21. С. 360.

²² *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 328–329. См. также: *Мосолов А.А.* Указ. соч. С. 26, 116. Автор – генерал-лейтенант, начальник канцелярии министерства императорского двора, игравшего исключительную роль при престарелом и влиятельном графе Фредериксе.

²³ Там же. С. 331–332.

²⁴ Вопросы истории. 1997. № 2. С. 120–121.

Упомянутый в тексте Д.М. Сольский (1833–1910) – граф, воспитанник Лицея (пушкинского), статс-секретарь, действительный тайный советник первого класса (что равнялось званию канцлера, фельдмаршала). Активный участник реформ.

М.Т. Лорис-Меликов – в 1878–1889 гг. государственный контролер, позже член, директор департамента, председатель Государственного Совета. Сторонник реформ, проводник принципов правового государства. В период реформ последнего царя возглавил Особое совещание, в котором сосредотачивается вся работа по подготовке правовых актов, составивших в совокупности конституцию 1906 г. Отметим, что в Советской исторической энциклопедии (1971) ему места не нашли.

Рядом с Сольским часто видим еще одного лицеиста. Это Владимир Николаевич Коковцов (1853–1943), из новгородских дворян, окончил в 1872 г. Александровский лицей, с 1872 г. статс-секретарь Госсовета, затем государственный секретарь и министр финансов с февраля 1904 г., позже премьер, попечитель, защитник пушкинского Лицея. Коковцов как министр финансов сыграл крупную роль в создании бездефицитного бюджета, укреплении золотого курса рубля. Как глава правительства он провел в жизнь первые пятилетние планы развития железных дорог, водного транспорта, сельского хозяйства и т. д. При нем широко развернулось переселение крестьян за Урал и в Среднюю Азию. Был сторонником активного сотрудничества с Думой (о чем ниже).

²⁵ *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 333.

²⁶ Там же. С. 335.

²⁷ Текст Манифеста хранится в СГАОР. Ф. 540. Оп. 1. Ед. хр. 739. Л. 30.

²⁸ Освобождение. 1905. № 63. С. 217.

²⁹ Из дневника Константина Романова // Красный архив. 1931. № 1 (44).

³⁰ *Ольденбург С.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 256.

³¹ *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 337.

Булыгинская Дума

В оценке государственного строя России нет единства мнений, но устойчиво в нынешнее переходное время держится и подчеркивается тезис о самодержавной империи *как воплощении дикого самовластия*: **«Тысячелетняя история России – это парадигма самовластия и рабства»**. Сторонники этой концепции, помимо всего прочего, исходят из отрицания важной роли реформ государственного строя, проведенных в начале нынешнего века, которые, по их мнению, не внесли каких-либо существенных изменений в структуру и деятельность высших органов государственной власти.

Разброс мнений в оценке былого, государственности («русского абсолютизма») идет по таким важным проблемам, как определение классовой сущности и социальной базы абсолютизма, соотношения таких фундаментальных понятий, как: единодержавие, самодержавие, самовластие, монархия и ее конституционные формы; причины возникновения абсолютизма и его позднейшей эволюции; основные этапы развития абсолютизма; выделение основных тенденций эволюции российской государственной системы (вплоть до отрицания последней). Особой остроты споры достигают в оценке исторической роли монархии в России, в признании или отрицании ее конституционного периода в русской истории (1906–1917).

В исследовательской литературе, и особенно в публицистике, государственный строй императорской России определяется обычно как царское самодержавие, абсолютная монархия, разновидность восточной (азиатской) деспотии, как дикое самовластие, империя зла. Преданы полному забвению наблюдения и выводы историографов старой школы (Карамзин, Ключевский), что самодержавие – синоним единодержавия, возникает как феномен единства русской земли, ее независимости, суверенности, когда государь всея Руси перестает быть данником сопредельных властелинов и олицетворяет единство и целостность державы.

По наблюдениям автора, понятие «самодержавие» не оставалось неизменным. Примерно с середины XVI в. оно все более и более выражает уже не только суверенность, международно-правовую независимость и территориальное единство, нерасторжимую целостность России, но и всю полноту власти монарха внутри страны. Это нашло отражение в работах историков и юристов исследуемого нами периода (В.О. Ключевского, Н.М. Коркунова, Н.И. Лазаревского, С.Ф. Платонова и др.).

В раскрытии внутреннего богатства, неоднозначности понятия «самодержавие» примерно со времен Радищева и декабристов обозначилась односторонность, сложившаяся и окрепшая к началу XX в. и принявшая форму идеологического оппозиционного штампа, когда самодержавие полностью отождествлялось с царским самовластием, тиранией, деспотией.

При этом в либеральной литературе, оппозиционной прессе (а она задавала тон, формировала общественное мнение) замалчивалась и даже прямо отрицалась главенствующая роль самодержца в обеспечении единства, целостности, суверенности государства. Более того, роль императора как гаранта, охранителя «единой и неделимой России», конституционно закрепленной в Основных законах 1906 г., предавалась остракизму. Особенно в нелегальных «летучих листках», прокламациях, брошюрах, но, к сожалению, не только в них, а и в подцензурной прессе, где господствовала знаменитая эзоповская речь.

Указанные крайности и предвзятость определяли отношение либерально-оппозиционной общественности, интеллигенции к существующему государственно-политическому строю, опиравшемуся на монархическо-православные принципы организации и убеждения подданных. В исследуемый период эта оппозиционная система взглядов нашла свое полное выражение в прессе, а позже в речах депутатов Государственной Думы.

К началу XX в. (а это и нижняя хронологическая грань данного исследования) в российских институтах управления уже имелась определенная дифференциация, выразившаяся

в существовании ряда законосовещательных органов управления в виде Государственного Совета и Совета министров. На Правительствующий сенат возлагалось издание новых законов, что предполагало их правовую экспертизу и обеспечивало преемственность, согласованность юридических актов.

При отсутствии в старой России представительных общенациональных учреждений (Земские соборы были упразднены Петром I) и конституционных прав и свобод сохранялись, функционировали выборные органы местного самоуправления, а также крестьянского волостного общинного самоуправления, хотя и под жестким чиновничьим надзором. Нельзя также не учитывать великую роль принципа свободы вероисповеданий, закрепленного обычаями и законом, что в многоконфессиональной стране обеспечивало населению свободу духовной жизни, сохранение традиционных общественных структур, народного образа жизни, традиций и норм обычного права.

Сохранились в то же время и такие определяющие правовую природу черты монархии, как недифференцированность исполнительной (правительственной) и законодательной властей, отсутствие четкого обособления их в структурно-правовом и особенно в функциональном (практическом) плане. Правительственная власть, возглавляемая императором, имела надзаконный характер. Возникновение совещательных структур свидетельствовало лишь о начале процесса разделения ветвей власти. Император сохранял высшую законодательную власть. Законосовещательные органы лишь разрабатывали законодательные предложения и проекты, обретавшие силу закона лишь по утверждению их императором. Монарх оставался главой исполнительной власти. Министров он рассматривал как своих доверенных лиц, управлявших под его общим руководством центральными ведомствами. Они непосредственно ему подчинялись и входили к монарху со всеподданнейшими докладами. Россия во многом оставалась государством, определяемым в специальной литературе как вотчинное, где высшая государственная власть функционирует и воспринимается подданными как продолжение права собственника, где правитель-властелин является одновременно и суверенным государем, и собственником, обладателем. Эти черты нашли отражение и в полном титуле российского императора.

Всегда острым, болезненным оставался вопрос о законе, о соблюдении норм права, без чего невозможно сохранить стабильность общества, гарантировать не только свободу и права граждан, но обеспечить элементарную безопасность населения. При абсолютистском строе монарх формально является единственным творцом законов. Но на практике реальная власть всегда была в руках «аппарата», как отмечали знатоки старины, полнота принадлежала не государю и даже не боярам, а приказным дьякам, которые могли нелюбый им указ так упрятать, что и Тишайший не мог отыскать нужную ему грамоту. Впервые Россия со всевластием и произволом приказных дьяков как с общенациональным бедствием и прообразом бюрократии столкнулась еще в XVII в.

В России, возможно, острее, чем в других государствах, ощущалась неразрывная связь между укреплением законности и обузданием «приказных», преодолением бюрократических извращений – этого злокачественного «средостения», клином вонзившегося между монархом и народом, нарушая связь государя с его подданными, без которой не может быть прочным державное строение.

Еще в начале XIX в. был поставлен вопрос о необходимости выделения законов в особый, высший ранг государственных нормативных актов; была произведена кодификация накопленного нормативного материала, создан Свод законов, образован законосовещательный Государственный Совет, повышена роль Правительствующего сената. Однако вплоть до реформ 1904–1907 гг. в России отсутствовало конституционное понятие закона. Основным формальным признаком закона в государственном праве XIX в., как правильно отмечали юристы (Н.М. Коркунов, Н.И. Лазаревский), оставалось «высочайшее утверждение», включая и устное пове-

ление монарха. При этом такие аспекты законотворчества, как законодательный почин, форма нормативного акта, участие в его подготовке Государственного Совета, Кабинета министров, а в его издании – Сената и другие аспекты на практике не принимались во внимание. Правоведы делали попытки для укрепления законности выявить существенное различие между законом-актом, одобренным Государственным Советом, утвержденным царем, изданным Сенатом, с одной стороны, и высочайшим указом императора или устным его повелением – с другой. На практике соблюсти подобное формальное разграничение между законом и повелением императора было чрезвычайно трудно.

Наращение в обществе требований о создании высшего органа народного представительства, преобразования Государственного Совета с наделением его законодательными правами было не в последнюю очередь связано именно с осознанием пагубности беззакония, с размытием самого понятия «закон», растворением его в потоке волюнтаристских распоряжений.

Этот застарелый недуг («размывания законов») русской государственной жизни не был преодолен и в конституционный период нашей истории.

Конституционные реформы, которыми ознаменовалось начало XX в., с одной стороны, были подготовлены всем ходом русской жизни; они вызывались потребностями экономики, социально-классовыми сдвигами, эволюцией государственно-политических структур, развитием духовной культуры, влиянием европейского, позже и японского (революция Мейдзи) опыта. С другой – громадную роль в создании условий для их проведения сыграла позиция интеллигенции, ее элитарных, высших слоев, все более прочно вставших в правительственные структуры. Российская интеллектуальная элита, воспитанная на европейском Просвещении, говорившая по-французски, получившая образование в немецких университетах, помешанная на английском парламентаризме, страстно желала заполучить те же политические права, играть ту же роль в государственной жизни, которую уже имели европейские их коллеги.

Падение крепостного права, образование земств и городского самоуправления, судебные уставы 1864 г. – отмена рекрутчины, предоставление личной свободы 50 млн бывших крепостных крестьян – открыли новую эпоху в русской истории, постепенно создавая условия для будущего конституционного строя.

Решающую роль в конституционных преобразованиях сыграл революционный фактор, давление освободительного движения заставило правительство, вопреки желанию, проводить реформы. Известный тезис, что реформы являются побочным продуктом классовой борьбы, реформы – «это не более как недозревший плод революции» (Л. Троцкий), оказал огромное влияние на общественную мысль, отразился в историографии. Не отрицая роли революционного фактора, нельзя не заметить, что в связке «революция» и «реформа» имеет место их обоюдное воздействие.

Русская история полна примеров негативного воздействия фактора политического радикализма, особенно крайнего экстремизма, на весь ход общественного развития и особенно эволюцию государственных высших властных структур. История не подтверждает расхожие мысли, что угнетение справа – это реакция, а насилие слева – это прогресс. Бывает и наоборот, когда насилие, левый радикализм порождает общенациональные трагедии или надолго «подмораживает» страну. Не уходя слишком далеко вглубь веков, можно указать, например, что восстание декабристов окончательно похоронило конституционные проекты, подготовленные при Александре I, что восстание 1830 г. в Царстве Польском смело польскую конституцию 1815 г., дарованную полякам Александром I; что убийство Александра II в день утверждения им проекта преобразования Государственного Совета, включения в его работу выборных от земств и городов на тридцать лет отодвинуло конституционные преобразования. Наконец, в исследуемый период проявление этой роковой тенденции видно в убийстве министра внутренних дел Сипягина, и как раз в начале его работы по подготовке закона о создании Государственной Думы. Реализация этого замысла императора Николая II была отодвинута по меньшей

мере на два-три года и проходила уже в экстремальных условиях. К сожалению, эта тенденция проявилась и в более позднее время вплоть до наших дней. Полагаю, что этот срез истории, а именно – анализ негативной роли революционного фактора в законотворческом процессе, заслуживает специального изучения.

Говоря об условиях, истоках, предпосылках конституционных реформ начала века, нельзя не отметить, что ярким проявлением связи времен, влияния Великих реформ 1860-х гг. является то обстоятельство, что ведущую роль в этих преобразованиях, в создании и деятельности Государственной Думы и нового Государственного Совета играли лица – создатели конституционных проектов 1860—1870-х гг. (П.П. Семенов-Тянь-Шанский, С.А. Муромцев, Д.М. Сольский, И.Л. Горемыкин, В.К. Плеве и др.). И конечно же, не случайно появление в истории Думы сыновей известных славянофилов – Хомякова, Самарина, Трубецких и Долгоруких.

Конституционные преобразования, естественно вытекающие из всего хода русской истории, проходили, однако, в экстремальных условиях – в обстановке общенационального кризиса. Роковую роль сыграла война с Японией – тяжелые поражения, неожиданные и оскорбительные для чувства национальной гордости великой нации, обострили ситуацию, подорвали престиж власти и создали ситуацию, когда просто не находилось оптимальных решений для выхода из общенациональной трагедии. Сложившуюся ситуацию хорошо выразила тогда возникшая, жизнью порожденная ленинская формула: «низы» не хотят, «верхи» не могут жить по-старому.

Параллельно с революционными токами общественной жизни реформаторы во главе с императором шли порой по бездорожью, перепаханному в первые десятилетия XX в. взрывами японских фугасов.

Несомненно, существует не просто хронологическая близость, но и глубинная связь между двумя потоками событий: с одной стороны, Порт-Артур, Ляоян, Мукден, Цусима, а с другой – Кровавое воскресенье, Октябрьский манифест, залитая кровью Пресня, восстание моряков, стачки, возникновение Советов, созыв и роспуск Государственной Думы.

Конституционные преобразования, предпринятые императором Николаем II, не были временным волеизъявлением: они тщательно готовились опытными правоведами, редактировались, обсуждались. Эти преобразования заняли ряд лет.

Их историческая значимость неоспорима, как результат сложения сил реформы и революционного натиска. Однако реформы, проведенные в чрезвычайных условиях и наспех, призванные спасти династию, народ, державу, смогли лишь отсрочить исполнение смертного приговора Романовым.

Вместе с тем важно уяснить, что речь идет по существу о первой российской конституции, к сожалению позже охаянной и несправедливо полузабытой, впервые введенной в жизнь.

Конституция 1906 г. вошла в жизнь, несмотря на все ее видимые недостатки. Ее достоинство уже в том, что она десять лет действовала, тогда как все предшествующие конституционные порывы, которыми так богаты прошлые столетия, оставались в чернильнице или, в лучшем случае, в архивохранилищах.

Первым шагом на конституционном пути Николая II как державного вождя был указ от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Указ был подготовлен министром П.Д. Святополк-Мирским. В нем учитывались как предшествующие законопредположения начиная с М.М. Сперанского, так и собранный В.К. Плеве материал и либеральные пожелания земского съезда (ноябрь 1901 г.). В проекте указа был пункт о народном выборном представительстве, но он был вычеркнут. По настоянию С.Ю. Витте в ходе реализации этого указа был принят ряд важных постановлений по обеспечению свободы, прав гражданских, в том числе закон о веротерпимости.

К идее привлечения выборных от населения лиц к законотворчеству, похороненной Витте, пришлось вскоре вернуться.

18 февраля 1905 г. был опубликован рескрипт на имя нового министра внутренних дел А.Г. Булыгина, предписывающий обеспечить привлеченных и «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений». Речь шла о создании законосовещательного органа, создаваемого на выборной основе в помощь монарху и его министрам.

Заместителем (товарищем) министра С.Е. Крыжановским были тогда же разработаны «Соображения» о совещательной Государственной Думе, получившей в литературе наименование Булыгинской. Особое совещание под председательством графа Сольского (вскоре ставшего председателем Государственного Совета) рассмотрело их 24 мая 1905 г. и передало в Совет министров, который обсудил и одобрил их на заседании 25–28 мая 1905 г.

Эти проекты исходили из принципа преемственности правительственной политики, предусматривали сохранение абсолютной монархии, а представительство предполагалось осуществить в формах, выработанных еще во времена Александра II. Само же название органа – Государственная Дума было взято у М.М. Сперанского. Однако нельзя не отметить, что если у великого реформатора предусматривалось создание стройной, единой по вертикали и горизонтали всероссийской представительной системы власти (от волостной до Государственной Думы), то у его эпигонов Дума выглядела как древо без корней, ибо не имела, в отличие от проекта Сперанского, соответствующих структур в губерниях, уездах, волостях.

В своих воспоминаниях С.Е. Крыжановский дает выразительную картину всего хода обсуждения проекта Булыгинской Думы, которое шло одновременно с разработкой избирательного закона. «Остановились на совещательном выборном собрании – Думе. С принятием этого решения было, конечно, ясно, что этой постановкой предreshался и вопрос о значении учреждения. Собравшись в этом виде и в огромном количестве, „выборные от населения“ неизбежно должны были опознать себя как народное представительство и не могли примириться с подготовительным значением. Это был, конечно, будущий парламент. И казалось бы, раз став на эту точку зрения, следовало сделать шаг дальше и предложить, хотя бы в скромных пределах, подлинную конституцию. Но Булыгин не сознавал этого, как, впрочем, долгое время поступало правительство даже после 17 октября 1905 г., не решаясь признать наличие конституции».

По свидетельству С.Е. Крыжановского, система выборов требовала большой осторожности. Не было сомнения, что, при совершенной неподготовленности массы населения, крайние течения мысли могли первое время взять верх и опорочить надолго самую мысль о народном представительстве. Это вызывало много сомнений. Сословные выборы, в сторону которых клонилось сочувствие многих влиятельных лиц в правящих кругах, были, очевидно, невозможны за распадением самих сословий. Остановились на особых выборах, построенных по образцу земских, протекающих в точном соответствии с ними и заканчивающихся образованием в уезде избирательного собрания, представляющего как бы нарочито созданное уездное земское собрание, в образовании которого население уезда должно было участвовать на тех же основаниях и в том же численном соотношении сил, как и в избрании уездных земских гласных. При оценке хода работы по созданию так называемой Булыгинской думы следует иметь в виду, что на А.Г. Булыгина возложено было поручение единственно лишь выяснить те основания, на которых представлялось бы возможным установить участие выборных от населения лиц в обсуждении законодательных предположений. Засим, в силу высочайшего рескрипта, эти общие основания подлежали обсуждению Совета министров, а окончательная разработка проекта закона об участии выборных в делах законодательства возлагалась на Особое под председательством того же Булыгина совещание. Как шел этот процесс, свидетельствует современник.

«В соответствии с этой задачей, – писал Крыжановский, – соображения Булыгина, изложенные в форме записки, завершились перечнем вопросов, подлежавших обсуждению Совета

министров. К записке был приложен составленный мною собственно для наглядности примерный набросок „Учреждения Государственной Думы“ и „Положения о выборах“, соответствовавший в главных основаниях суждениям совещания и выводам записки, а в подробностях мною обработанный по руководству тою главным образом мыслью, что при введении в столь разношерстном государстве, как Россия, начал народного представительства и при совершенной неизвестности, каково будет это представительство (в то время никто решительно этого не знал). Необходимо точно определить в законе все устройство и порядок действий вновь создаваемого учреждения, оставляя возможно менее места усмотрению в определении внутренней структуры учреждения будущим случайным составом первых выборных Русской земли. При составлении этого первого „Учреждения“ приняты были к руководству распоряжение Государственного Совета и предположения Сперанского об устройстве Думы, сохранившие во многом свое значение до наших дней. В марте работы были окончены и тайна осталась настолько соблюдена, что в печать не проникло сведений даже о лицах, которые делом этим занимались.

Труд Булыгина представлен был Его Величеству, и последовал долгий промежуток ожидания. Было ясно во всяком случае, что на этом шаге нельзя останавливаться и следовало сделать дальнейший. Создавая зачатки народного представительства, необходимо было устроить и правительство. Пользуясь свободным промежутком, я набросал проект объединения правительства, впоследствии представленный С.Ю. Витте и легший в основу нового „Учреждения Совета министров“. Но Булыгин слышать об этом не хотел и дальше предположений о Думе не шел. Из слов его понял, что Его Величество колеблется и что разные придворные течения стремятся опорочить в глазах его даже тот скромный шаг, которым являлся булыгинский проект. Положение было весьма сложное, и малейшая случайность могла на несколько лет отодвинуть преобразование, положившее прочное основание объединению национального самосознания и созданию русской гражданственности.

Все обошлось, однако, благополучно. Его Величество соизволил на внесение проекта, но не в Совет министров, а в Особое под председательством графа Сольского (председателя Госсовета. – А. С.) Совещание, представлявшее тот же Совет министров, но усиленное несколькими сановниками. Основные вопросы, выдвинутые в записке и вообще вытекавшие из дела, вовсе не подвергались обсуждению. Совещание сразу ухватило за готовый, хотя и явно несовершенный, набросок и без долгих околичностей положило его в основание своих суждений».

Как только коснулись проекта, обсуждение разменялось на мелочи. К тому же сказалось свойственное поколению либеральных советников вроде Сольского и Фриша (член Госсовета, позже его председатель. – А. С.), отсутствие и государственной мысли, и национального чувства. Каждый предлагал свои поправки, исходя один – из одних, другой – из других оснований. Пройдя все, возвращались к началу, чтобы снова возбуждать те же споры, разбавляемые вновь возникшими мыслями. В конце концов после седьмой правки граф Сольский, открывая заседание, должен был сознаться, что после стольких трудов Совещание испортило первоначальный проект, который, по мнению его, был последовательнее и лучше. Под действием этого соображения стали вновь рассматривать законопроект, восстанавливая многое по-первоначальному.

Еще хуже обстояло с частью, касавшейся выборов. Порядок в видах простоты был укорочен исключением уездного избирательного собрания, и выборы от отдельных разрядов населения проведены отдельными путями прямо в губернское избирательное собрание. Это был удар в самое сердце так называемой булыгинской системы. В выборы членов думы внесено было этим самым начало крайней случайности. Представительство живого целого – уезда, долженствовавшее дать в качестве выборщиков, а затем членов Думы от губернии, естественных и весьма знакомых вождей местного общества, обратилось в случайное собрание лиц, вынырнувших наверх в губернии на громких словах и всякого рода программных пузырях.

Выступал в утроенном значении вопрос о распределении выборщиков между отдельными разрядами местного населения, определявшем собою общий состав Думы. Он был решен с плеча, не заняв даже целого заседания. После недолгих разговоров решили распределить выборщиков в соответствии с размерами прямых налогов и местных сборов, лежащих на землях и других недвижимых имуществах каждого разряда избирателей. Это значило наполнить Думу крестьянством, то есть худшее, что могло быть для начала. Трое суток считали мы на арифмометрах и распределяли выборщиков согласно налогам. Получилась таблица, давшая в результате Первую Думу».

Как видим, Крыжановский в мемуарах особенно подчеркивал преемственность всей законотворческой реформаторской работы. На обсуждение Сопещения был предложен план образования народнопредставительного органа путем введения в состав Государственного Совета представителей земств и городов. Этот проект восходит своими истоками еще к эпохе Великих реформ, когда его выдвигал министр внутренних дел П.А. Валуев, опиравшийся на поддержку великий князь Константина. Позже этот план неоднократно обсуждался, но так и не был принят. Последний раз попытку воскресить, актуализировать эту идею предпринял Крыжановский при министерстве князя Святополк-Мирского, но она была вновь неудачной. То же повторилось и на сей раз. Булыгин опасался народного представительства, пытаясь, по словам Крыжановского, «возможно затушевать вводимое в русскую жизнь новое начало и законопатить его в медвежий угол». Замысел расширения Госсовета или образования Госдумы путем привлечения представителей земств и городов на выборных началах казался министру особенно опасным, ибо вел к укреплению одновременно и земств и Госсовета или Думы, создавая единую по вертикали народнопредставительную власть. Как выразил эти опасения министр Крыжановский, возникала бы «опасность утверждения политиканства в земствах, которые могли бы стать как бы разветвлением Государственной Думы», причем последняя получила бы прочные связи, опору в сложившейся земской среде. Это давало бы органам народного представительства весомые преимущества в случае их столкновения с правительством.

Мысль о преобразовании Госсовета была отвергнута. И можно согласиться с Крыжановским, что Сопещение тем самым совершило ошибку, сойдя с пути, указанного еще Сперанским (то есть единства органов власти снизу доверху).

Как бы ни было, но Сопещение Булыгина не решилось опереться на земства.

По мнению С.Е. Крыжановского, это было связано с тем, что образованное меньшинство (элита), как правящая бюрократия, так и оппозиционный либерализм, были убежденными сторонниками «перестройки российской государственности по западным нормам». Руководящие «столпы», как в Совете министров, так и в Государственном Совете и особом при оном Сопещании (Витте, Сольский, Фриш, Нольде, Гильденбрандт), при разработке важнейших правовых актов, выработке курса реформ, по словам Крыжановского, чрезмерно увлекались западными либеральными идеями, раскрывая «отсутствие и государственной мысли и национального чувства». Очень часто эти «архонты» портили обсуждаемые «первоначальные проекты, которые были и последовательнее, и лучше». В образованном обществе возникла ситуация своего рода духовной диктатуры западников, в обстановке которой даже такие убежденные почвенники-земцы, как авторитетный Д.Н. Шипов (председатель московской земской управы), вынуждены были подчиняться диктату господствующего западничества либерально-конституционных тонов.

Просвещенные деятели России, в руках которых оказалась судьба реформ, начатых императором, говорили по-французски, обучались в немецких университетах и вздыхали по английской Хартии вольности. «Веяло космополитизмом, и, казалось, уходила в глубь веков Святая Русь», – отмечал С.Е. Крыжановский.

Прямое, непосредственное и весьма активное участие в преобразованиях, в создании Положения о Государственной Думе и закона о выборах принимал Николай II. Как свидетель-

ствуют участники дела, император встречался с разработчиками проектов, проводил под своим руководством обсуждение важнейших правовых актов в Совете министров на Особых совещаниях и комиссиях, обнаружив при этом хорошую осведомленность в документах, «в которых легко и точно разбирался».

Император требовал, чтобы при проведении реформ строго соблюдалось равенство вероисповедания и были надежно ограждены интересы православной церкви, как веры государственно образующего народа, а равно «право каждого русского чувствовать себя дома на всем протяжении империи». Император обратил при этом внимание на истоки «русского национального ядра», великорусского центра (базы империи), заметно отстающего по темпам развития от западных и южных регионов. «Хиреющий русский корень» надобно было поддерживать путем быстрого освоения богатств Сибири, Дальнего Востока, степного края, переселения в эти малообжитые края населения из коренных губерний, оказавшихся в ситуации аграрного перенаселения.

Окончательная редакция указанных законопроектов была создана после их детального обсуждения на специальном авторитетном совещании высших сановников и великих князей, заседавших под председательством Николая в Петергофе в июле 1905 г.

На Особом совещании император твердо настаивал на самом широком представительстве крестьян в созываемой Думе. Он заявил, как свидетельствуют источники, что проект избирательного закона как раз этого не обеспечивает: «Я не убежден, что в случае утверждения (его) в Думу вообще попадут крестьяне... Нужно дополнить статью правилом, что от каждой губернии крестьянскими выборщиками избирается отдельно не менее одного крестьянина».

Царь был прав. По проекту Совмина по 21 губернии предусматривалось избрание только одного депутата, и, естественно, крестьяне в это число не попадали. И следовательно, по этим губерниям нужно предусмотреть специальное представительство для крестьян. Обмен мнениями был столь поучителен, что позволим себе описать его.

Императора поддержал обер-прокурор Святейшего синода Победоносцев: «Сословия распались и растерялись. Исторические предания твердо держатся в одном крестьянстве <... > крестьянство – господствующее зерно населения, и для законодательства голос его важнее всех, надо, чтобы крестьяне не через посредство других лиц, а сами могли сказать, что для них нужно».

Профессор Ключевский подчеркнул, что вопрос о достойном представительстве крестьян – это «центр тяжести» всего дела. Несомненно, что при многоступенчатых выборах крестьяне в волостях будут из своей среды избирать в качестве представителей крестьянского мира лиц, «наиболее способных отстаивать интересы своего сословия». Задача сводится к тому, чтоб и в уезде и в губернии эти крестьянские представители не были бы потеряны в разномысленных собраниях выборщиков. «Мне, – слышался голос царя, – представляется правильной мысль предоставить крестьянам право выбирать из своей среды членов Думы».

«Дума оправдает себя, – говорил А.А. Нарышкин, – только в том случае, когда в ней будет достаточное количество членов из внутренних наших губерний, население которых принимало деятельное участие в создании государства Российского».

Без участия в работе Думы представителей всех сословий и профессий, и прежде всего крестьян (это 80 % всего населения), невозможно было обеспечить избрание в Думу лиц, способных «поставить интересы общего блага и пользы государственной выше своих личных выгод».

Как показывает опыт земств, особенно уездных, где крестьяне шире представлены, нежели в губернских, именно они часто обеспечивают «деловитость в работе и близость к жизненным нуждам, принимаемых земствами решений, что крестьянам свойственны и жизненная мудрость и особая манера выражения — „эпическая речь“».

За это образное выражение зацепился министр финансов Коковцов, отличавшийся склонностью к холодному сарказму, бросив реплику, что неграмотные, неопытные мужики будут в Думе «пересказывать эпическим слогом то, что им подскажут другие». Император прервал филологические упражнения министра: «Я согласен с тем, что такие крестьяне с цельным мировоззрением внесут в дело больше здравого смысла и житейской опытности».

Позиция императора, занятая в ходе Петергофского совещания, станет более понятной в сопоставлении с его публичными выступлениями, в которых он раскрывал свои подходы к разрешению самого острого вопроса русской жизни – аграрно-крестьянского, земельного. Император убеждал дворян отказаться в пользу крестьянства от части своих земель (за выкуп, конечно), повторив то, что было сделано в 1861 г. членами императорской фамилии, говорил, что Романовы должны подать в этом пример всему благородному сословию (Николай не был понят и поддержан своими кузенами, но это другая ипостась, и к ней мы еще вернемся).

Выступая перед крестьянами, император говорил им:

«По моим указаниям вырабатываются теперь меры для облегчения наиболее нуждающихся в земле трудящихся на ней крестьян <...>.

Созывается Государственная Дума, и совместно со мною она обсудит, как это лучше решить. На меня вы все можете рассчитывать. Я вам помогу, но помните всегда, что право собственности свято.

Благо всех сословий государства мне одинаково дорого, и при земельном устройстве крестьян право вашей собственности остается неприкосновенным.

Благо народа – превыше всего! Будет ли оно обеспечено?! Вот чем следует руководствоваться», – наставлял царь министров.

Однако этих обещаний император не исполнил. Историческая власть не создала такой программы разрешения аграрного вопроса, который отвечал бы мужицким чаяниям, их стремлениям получить от царя-батюшки всю землю, всю волю, то есть свободу от чиновничьей тягостной опеки и барского гнета. Через полгода собравшиеся в апреле 1906 г. в царских чертогах крестьяне не услышали из уст их хозяина установку на всеобщее равнение, на справедливое распределение «божьей земли» по едокам, по душам, по трудовой норме. А без этого в мужицком понимании нет правды-справедливости, нет общего блага. Диалога исторической власти с крестьянским миром в Таврическом дворце не произошло. Это скорее был разговор глухих с немymi. Но летом 1905 г. в Петергофе царь был преисполнен самых лучших радужных надежд, изготавливая приглашения крестьянам в «Государеву Думу».

Именно так пожелал назвать предстоящий орган император. По-видимому, перед его мысленным взором вставал Земский собор времен Алексея Михайловича, собравший выбороных от всех земель.

Царские советники в Петергофе не поддержали в этом императора, желавшего править как встарь, заявив ему, что соборы всея Русской земли – это архаизм, седая невозвратимая древность, что на дворе не XVII, а XX в. и лучше именовать Думу не Государевой, а Государственной, подобно коронному Совету. На том и сошлись, так и порешили. Но была ли задуманная Государственная Дума совещательная аналогом Земского собора?!

Утверждение Петергофским Особым совещанием Учреждения Государственной Думы как законосовещательного органа означало снятие с повестки дня в работе правительственных органов вопроса о Земском соборе (Совете всей Русской земли). Историческая власть встала на путь конституционных преобразований, руководствуясь западноевропейскими образцами. Правда, пока готовились сделать лишь первый шаг на этом пути, ведущем к конечной станции, именуемой парламентарная республика. Но окончательно ли ушла в небытие идея Земского собора? Не было ли с нею связано появление в том же году Совета рабочих депутатов как самобытной русской формы народовластия? Ограничимся пока постановкой этой проблемы и вернемся к основной теме исследования.

Законосовещательная Государственная Дума имела явно переходный характер. Разработчик ее проекта С.Е. Крыжановский считал возможным ее дальнейшее развитие в сторону Земского собора («широкого представительства по сословиям и чинам». То есть по социально-профессиональному положению). Жизнь повела народное представительство по иному парламентарному пути.

Именно переходный характер Думы, получившей название Булыгинской, предопределил ее нежизнеспособность, отторжение этого проекта как левыми, так и правыми политическими силами. Страна шла к октябрю (первому – образца 1905 г.).

С.Е. Крыжановский вспоминает: «Уже с самого начала поднялся поход против законосовещательной Думы. Политическая незрелость общества проявилась во всей полноте. Самые умеренные кричали едва ли не более всех. Газеты твердили, что такая Дума недостойна общества, что никто в нее не пойдет и прочее. Шум рос, и голоса благоразумных в нем тонули. Начались забастовки на железных дорогах, и хотя все это была одна лишь оперетка, поражающая воображение своею новизною, но во главе правительства стоял граф Витте – человек трусливый, легко терявшийся и совершенно не знавший России».

Концепция законосовещательного представительства, предусматривавшая существование двух законосовещательных учреждений бюрократического и выборного характера, нашла правовое закрепление в трех актах 6 августа: 1) Высочайший манифест об учреждении Государственной Думы, 2) Учреждение Государственной Думы, 3) Положение о выборах в Государственную Думу. Эти правовые акты так и не были применены, но громадное историческое значение их очевидно. Оно заключалось в том, что в область верховного управления была введена, наряду с единодержавием, новая структура власти, опирающаяся на народное избрание.

На этом этапе трансформации государственного строя были решены две задачи, а именно: создание народного представительства законосовещательного характера в качестве постоянного учреждения и оформление права отклонять законопроекты большинством в две трети голосов (Думы и Госсовета) в соответствии со статьей 49 Учреждения Государственной Думы. Это предполагало порядок, при котором законопроекты не могли быть предоставлены на утверждение монарха и стать законом без вотума народных представителей. Права Думы являлись умеренными, но все же могли служить ограничением абсолютной власти монарха в области законодательства. Так возникла ситуация, облегчающая переход к конституционному строю.

Следующий этап конституционных реформ – это период от октября 1905 г. до мая 1906 г. Преобразование государственного строя на конституционных началах протекает, как выше уже отмечалось, в сложных условиях, порожденных войною и революцией. В указанное время разрабатываются, обсуждаются и принимаются важнейшие юридические акты, составившие правовую основу государственной реформы 1905–1906 гг., в результате которой в России возникает система конституционной монархии. К числу этих актов относятся Манифест 17 октября 1905 г., Учреждение Госдумы и преобразование Государственного Совета; Бюджетные правила 8 марта 1906 г., Основные законы (новая редакция).

Обновление законодательства завершилось пересмотром состава Основных законов, приведенных в систему еще М.М. Сперанским. Некоторым законам была дана новая редакция. Все это явилось фактом оформления первой российской конституции, хотя акта с таким названием и не было издано.

Октябрьский манифест

В первых числах октября 1905 г., вскоре после заключения мира с Японией в Портсмуте, Витте был назначен председателем Совета министров. Первый российский премьер предложил императору Николаю II выбор между двумя путями подавления революционного движения: либо введение жесткой диктатуры, облеченной всеми правами чрезвычайного положения; либо переход путем реформ к конституционному строю.

В те тревожные дни в дневнике императора появляются записи об утомительных изматывающих занятиях, долгих совещаниях с Витте, Горемыкиным и другими сановниками и членами императорской фамилии, о его личном участии в редактировании Манифеста 17 октября. В итоге проделанной работы краткая запись: «Подписал Манифест в 5 часов. После такого дня голова сделалась тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и умири Россию»¹.

«18 октября. Сегодня состояние духа улучшилось, так как решение уже состоялось и пережито...»

«19 октября. Все находится в каком-то чаду».

«27 октября. В Кронштадте беспорядки и разгромы. Добиться известий трудно, телефон не действовал. Ну уж времена!!»

«1 ноября. Был очень занят. Познакомился с человеком божьим – Григорием из Тобольской губернии» (это первое упоминание в бумагах Николая II о Распутине – удивительное совпадение событий: революция, конституционный Манифест и явление «божьего человека» в состоянии «какого-то чада», «путаницы мыслей»).

В часы горестных раздумий рядом с царем ближе других оказались Витте и Распутин. Ни Гермогена с Пожарским, ни нового Сперанского рядом с тронном не оказалось. В свое время Павел I напутствовал Суворова в итальянский поход словами: «Иди спасай царей». Через столетие надобно было спасать русского царя, и оказалось, что некому. С.Ю. Витте судьба отвела роль спасителя династии и империи. Николай II не без внутреннего сопротивления внял советам этого, по его определению, «политического хамелеона». Людская молва окрестила министра графом Полусахалинским. К нему, его услугам обратился в тягостные дни государь император тогда еще великой державы.

В разгар кризиса в письме к матери Николай так излагал мотивы принятия ответственного решения:

«Наступили угрожающе спокойные дни. Полный порядок на улицах, но в то же время каждый знал, что что-то должно произойти. Войска ожидали сигнала, но другая сторона не начинала. У каждого было чувство, как перед надвигающейся летней грозой. Нервы у всех были на грани и необычайно взвинчены... В течение всех тех ужасных дней я постоянно встречался с Витте. Часто мы встречались рано утром и расставались только с наступлением ночи. Имелось только два возможных пути: найти энергичного полководца, чтобы подавить мятеж силой. Тогда появилось бы время перевести дух, но совершенно ясно, что пришлось бы применить силу еще и еще в течение нескольких месяцев, что означало потоки крови, и, в конце концов, мы оказались бы в точно таком же положении...» «Другим путем было: дать народу гражданские права, свободу слова, печати, а также все законы, утверждающие статус Думы, что, конечно, привело бы к конституции. Витте энергично защищал этот путь. Он сказал, что, хотя и этот путь не без риска, но он единственно возможен в настоящий момент. Почти каждый, с кем я имел удобный случай посоветоваться, был того же мнения (особенно энергично на этом настаивал великий князь Николай Николаевич. – А. С.). Витте ясно дал мне понять, что он согласится стать председателем Совета министров только при условии, что его программа будет принята и в его действия не будут вмешиваться. Он... подготовил Манифест. Мы обсуж-

дали его в течение двух дней, и в конце концов, уповая на Божью помощь, я подписал его... Мое единственное утешение – что это желание Господа и это важное решение выведет мою дорогую Россию из состояния невыносимого хаоса, в котором она пребывает уже около года»².

Взвешенные, выстраданные оценки Николая II признают видную роль Витте, но в них звучат и отголоски недовольства действиями министра, давшие повод для великосветских сплетен о том, что министр вырвал у государя конституцию. И то и другое имело место.

В начале октября Витте из разговоров с графом Сольским, возглавлявшим Особое совещание по разработке законов в развитие Манифеста 6 августа о Госдуме, убедился, что работа Совещания зашла в тупик, были споры о конституции и диктатуре, но решения не находилось. Витте даже вкладывает в уста Сольского слова «без вас я не вижу выхода», сказанные одним графом другому со слезами на глазах.

По-видимому, Витте не очень преувеличивает растерянность графа Сольского. Оппонент Витте генерал Мосолов дает примерно ту же картину безрезультативности работы Совещания, члены которого утонули в противоречивых суждениях, даже либералы: «Все признавали [ее] необходимость, но в чем же она должна выразиться <...> сторонники конституционного правления не имели малейшего понятия о порядке выборов в представительные органы и создания работоспособного органа... отделивались общими местами и заявляли, что о деталях позаботится уже Сергей Ефимович Крыжановский (государственный секретарь пользовался в высших сферах репутацией тонкого юриста, добавляет Мосолов)»³.

Витте трезво оценил обстановку. Время для рассуждений и споров прошло. Нужны немедленные действия, или открытие военной диктатуры, или провозглашение конституционных свобод, более решительное, чем это было сделано 6 августа.

Витте вернулся в Петербург в середине сентября и как председатель кабинета включился в обсуждение реформ, перестройки работы правительства. В связи с предстоящим по указу 6 августа созывом Думы обсуждается план объединения работы всех министерств и создания Совета министров. На пост премьера претендует Витте. Споры вокруг реформ правительства и созыва Думы будоражили умы. Интеллигенция, недовольная тем, что ее избирательные права были сильно ущемлены, выдвигала лозунг бойкота законосовещательской Думы, созыва Учредительного собрания и апеллировала к рабочим, которым вообще не был открыт доступ в Думу. В исходе первой декады октября 1905 г. начались стачки железнодорожников, грозившие перерасти во всеобщую политическую забастовку, что и произошло вскоре.

Делегация железнодорожников явилась к Витте и передала ему требования бастующих. Они сводились к созыву Учредительного собрания на основе «четыреххвостки»: отмена военного положения, провозглашение политических свобод, право рабочих на забастовку и введение восьмичасового рабочего дня. Аналогичные требования принимались на съездах и собраниях земских деятелей. С земской оппозицией, ее требованиями Витте был тесно связан, в частности, через редакцию «Правда» и ее руководителя И.В. Гессена.

С учетом сложившейся обстановки на основании резолюций земских съездов Витте создает в эти дни специальную программную записку для вручения императору. Этот документ, написанный чиновником И.Я. Гурляндом, разительно отличается от известной записки «Самодержавие и земство», о которой говорилось выше. Витте развернулся и занял прямо противоположные своим прежним убеждениям позиции. Он уже не нападает на принципы самоуправления, он славит «освободительное движение», которое никогда не затихает на Руси: то теплится, как раскаленный уголь в золе, то ярко вспыхивает. Его корни граф усматривает в вечевых традициях, республиках Новгорода и Пскова, в казачьем самоуправлении, в заговорах петрашевцев и декабристов, сваливая в одну кучу интеллигентский прозападный радикализм с казачеством, низовой вольницей Поволжья, Дона, Запорожья. Исторический лиризм впавшего в сентиментальность графа заканчивается заявлением, что свобода в природе человека и она должна стать лозунгом правительственной деятельности. Ход исторического про-

гресса неудержим. Выбора нет: или стать во главе охватившего страну движения, или отдать ее на растерзание стихийных сил. Казни и репрессии только ускорят взрыв. Исходя из изложенного Витте предложил программу спасительных действий, как то: отмену всех исключительных мер и законов, провозглашение свободы и равноправия, законодательной власти, бюджетного права и контроля за действиями администрации, расширения избирательного права и другие реформы «вплоть до экспроприации частной земельной собственности»; предусматривались и решительные меры в национально-религиозной сфере, как то: автономия Польши и Грузии. Надобно заметить, что в Записке допускался и вариант – «пути против течения», но за его исполнение Витте не брался. Позже он писал и уверял, что выдвигал альтернативу: диктатура или конституция. Но в записке, как мы видим, этой альтернативы нет, а есть ссылки на прогресс и противопоставляются реформы и анархия (а не диктатура)⁴.

Эти предложения Витте были утверждены Николаем II. Обращают на себя внимание прежде всего радикализм в подходе к аграрному вопросу – «вплоть до экспроприации» помещичьих земель; провозглашение равноправия в сословном и национально-религиозном вопросах, установление контроля народного представительства за действиями исполнительной власти и даже дарование конституции. Ни одно из этих декларативных пожеланий – в более осторожной форме изложенных в Октябрьском манифесте – так и не было выполнено. Действия правительства (и Совмина во главе с Витте, и самого императора) начиная с конца 1905 г. (после подавления восстания в Москве) – это сплошное лавирование, пересмотр конституционных начал. Но, конечно, дело не только в изменении умонастроений в высших эшелонах власти.

Справедливость требует признать, что предложения Витте были отражением едва ли не господствующего в обществе мнения, что спасение страны в дальнейшем развитии положений, выдвинутых

в Манифесте 6 августа. Выше мы отмечали публикации журнала «Право», редакция которого была тесно связана с Витте. В те дни даже «Новое время» Суворина заявляло: «Идея царской власти гораздо больше может быть потрясена репрессиями, чем узаконением свободы». А когда некоторые газеты заговорили о военной диктатуре, князь Мещерский резко возразил, что диктатура фактически означает упразднение царской власти и нет гарантий, что «диктатор» не станет игрушкой в руках «демократии». Смешно выступать донкихотом грубой силы⁵. Фраза Мещерского о донкихоте монархизма разносилась гофмейстером Борисом Штюмером по салонам и гостиным столицы. И этот человек выступит через 10 лет в роли защитника монархии, сыграв сам роль осмеянного им же рыцаря печального образа.

На основе программной записки был составлен Витте всеподданнейший доклад, утвержденный императором 17 октября («принять к руководству»), а также законопроект о создании Совета министров: «О мерах по укреплению единства деятельности министров и главных управляющих». Основная мысль доклада, как и записки, выражалась в тезисе, что «корни волнений залегают глубоко, они в нарушении равновесия между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы... Задачи сводятся к установлению правового порядка. Положение о Думе (6 августа. – А. С.) подлежит дальнейшему развитию... важно преобразовать Государственный Совет на началах видного участия в нем выборных элементов» и т. д.

Витте, замечает С. Ольденбург, настаивал на том, чтобы государь принял его программу. Он теперь связывал свою судьбу с либеральной реформой, рассчитывал, получив назначение, стать несменяемым.

Когда государь заявил, что такие серьезные реформы требуют торжественного провозглашения путем высочайшего Манифеста, Витте был недоволен и пытался возражать. Он предпочел бы, чтобы реформы вошли в общее сознание не как решение государя императора, а как

«программа Витте». Этим объясняется, что Николай II, ознакомившись с программой Витте и не единожды выслушав его, в поисках политического выхода из кризиса медлил с одобрением действий графа, заявляя в ответ на его настойчивость: «Я подумаю». Николай II беседовал в те дни, разумеется, и с другими сановниками, в том числе со старым оппонентом Витте бывшим министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным, который подготовил свой проект высочайшего Манифеста. Среди кандидатов на новый пост председателя Совета министров кроме Витте рассматривались также И.Л. Горемыкин и А.П. Игнатьев. В конечном счете выбор пал на графа. Возможно, сыграла роль молва, приписывающая исключительным дарованиям Витте почетный выход из войны, порядком всем поднадоевшей и, главное, бесперспективной.

6 октября Витте испрашивает у императора аудиенцию и вручает ему свою записку. 10 октября на повторной аудиенции присутствует императрица, но Николай II еще колеблется. 13 октября Витте было предложено «обсудить деятельность министров» и «восстановить порядок», без чего невозможны реформы: «Только при спокойном течении государственной жизни возможна совместная работа правительства с имеющими быть свободно избранными представителями народа моего», – говорилось в телеграфном повелении царя. Но Витте не взял на себя роль диктатора, усмирителя без предварительного объявления декларации о свободах. Так возникло первое расхождение между царем и председателем кабинета. Последний, прибыв в Петергоф 14 октября, заявил, что простым механическим объединением министерств, смотрящих в разные стороны, вопросы не решишь, смуту не укротишь, что «преобразования должны проходить законодательным порядком через Госсовет и Думу, которой надлежит придать законодательный характер». Расхождение было и в вопросе о путях реализации этого плана. Витте настаивал, чтобы ему было поручено объявить о плане реформ, то есть одобрить его программу. Император же намеревался все даровать подданным от собственного имени. Витте, действуя от имени царя, требовал свободы рук, чтобы намечаемые им меры были переведены из области обещаний в область даруемых актов, осуществляемых премьером, хотя и от имени царя.

В отстаивании своего мнения Витте проявил стойкость, самостоятельность в суждениях, даже упрямство, а эти черты у своих «докладчиков» Николай II не переносил. Так и возникло взаимное нерасположение двух упрямцев. Между Николаем Александровичем и Сергеем Юльевичем был к 17 октября достигнут компромисс.

Было решено, что свободы будут провозглашены от имени государя в специальном Манифесте, но текст последнего подготовил сам Витте и упорно настаивал, чтобы из трех проектов Манифеста был принят без всяких изменений его текст. Все попытки – о них выразительно, подробно рассказано в мемуарах Мосолова – закончились полной неудачей. Накануне подписания Манифеста император направил к Витте Фредерикса и Мосолова, чтобы изменить текст, но после трудных споров все компромиссные варианты были отброшены. «Это было концом нашей дипломатической миссии», – замечает Мосолов, так «окончательно было решено не откладывая, завтра же дать конституцию и назначить Витте председателем Совета министров»⁶.

Кандидатура Витте, стяжавшего славу опытного, умного государственного деятеля, увенчанного лаврами миротворца, казалась для многих в те дни единственным выбором для противостояния революционному движению. Даже вдовствующая императрица Мария Федоровна, настороженная в отношении германофилов, советовала сыну: «Я уверена, что единственный человек, который может помочь тебе сейчас, – это Витте... Он, несомненно, гениальный человек». По просьбе царя Витте составил меморандум, в котором проанализировал ситуацию и сделал вывод, что существует только одна альтернатива: военная диктатура или конституция. Сам Витте убеждал, что дарование конституции будет более безболезненным путем к окончанию беспорядков. Эта рекомендация приобрела решающее значение, когда она была решительно поддержана великим князем Николаем Николаевичем, двухметровым родственником

царя, тогда командовавшим Санкт-Петербургским военным округом. Великий князь, страстно возражая против самой идеи назначения его военным диктатором, вынув револьвер, громогласно заявил: «Если государь не согласится с программой Витте, если он хочет вынудить меня стать диктатором, я убью себя в его присутствии из этого револьвера. Мы должны поддерживать Витте любой ценой. Это необходимо для блага России»⁷.

Сам Сергей Витте, давший России первую конституцию и первый парламент, не верил ни в конституцию, ни в парламент. Ни в то ни в другое. «Моя конституция у меня в голове; а не в сердце», – сказал он однажды, плюнув на пол. Он был крупным и крутым мужчиной, с массивными плечами и огромной головой. В этой «бадье», как обзывали его в детстве сверстники, находился талантливый административный мозг. Это позволило ему, полунемцу, остзейцу, стать самым влиятельным министром Александра III, а потом и его сына. Высший свет, однако, не принял «выскачку».

Можно сказать, что Николай унаследовал Витте от отца вместе с престолом. Витте гордился, что он, руководя финансами, промышленностью, торговлей, втрое увеличил объем промышленного производства. Этот германофил мечтал сыграть роль нового Бисмарка и лепил российские правительственные учреждения и основные законы по немецким образцам. В дни общенационального кризиса Витте взял курс на создание режима собственной личной власти. Консерватор, гонитель земств, похоронивший либеральный проект князя Святополк-Мирского, вдруг заговорил о парламенте, взлетая ввысь на конституционной волне. Императора он считал человеком «добрым, чрезвычайно воспитанным», но «слабовольным», «полной бесхарактерностью». Николай II, заявлял Витте, «не был создан, чтобы быть императором вообще, а неограниченным императором такой империи, как Россия, в особенности».

«Я знал его крайнюю неопытность». На этом он, собственно, и попытался сыграть. Императрицу он также ставил весьма невысоко, хотя и признавал, что Алекс «не лишена обаяния»⁸.

Весьма характерно для Витте его отношение к династии. Великого князя Николая Николаевича, оказавшего ему решающую поддержку в принятии решения о Манифесте, министр называет человеком «довольно ограниченным и малокультурным», однако имевшим «громадное влияние на государя». И еще: «Государь находился совсем в руках своей августейшей супруги»⁹. Но если такими бездарями были августейшие лица, то что ж говорить о других. Трудно не согласиться с мнением генерала Мосолова, который, «читая труды Витте», заявил, что «ненависть проглядывает в каждой строке его воспоминаний», «все неудачи государственного управления являются как бы последствиями характера царя и того, что все ответственные должности были якобы заняты либо идиотами, либо мошенниками, либо интриганами»¹⁰.

Обстоятельства появления Манифеста 17 октября исчерпывающе освещены в Служебных записках, возникших по горячим следам. Их несколько: свитского генерала, управляющего кабинетом царя князя Н.Д. Оболенского (лично близкого к императору), управделами Совмина, позже сенатора Н.И. Вуича, деловые записки и мемуарные свидетельства самого Витте и важные дополнительные данные генерала Мосолова¹¹. Изложение событий Витте, данное в его обширной записке, было известно императору, который, ознакомившись с документом, сказал: «Все написанное было, но верить нельзя. С Витте всегда так. Ему трудно возражать, но в его словах редко чувствуется искренность». Император схватил главное – это крайний субъективизм министра, обходящего факты, ему неудобные. Текст Манифеста был подготовлен в канцелярии кабинета министров, новая редакция документа, сообщенная Витте министром двора Фредериксом и его заместителем Мосоловым, содержала две важные новации, а именно, в отличие от текста Витте, где определенно говорилось, что царь поручает своему министру Витте разработку и проведение в жизнь его волею предназначенных реформ, в новой редакции эти пункты определялись как лично даруемые императором. Было также расхождение в мнении о том, следует ли говорить в Манифесте о законодательном характере Госдумы.

После напряженной работы, споров, столкновений Витте отклонил компромиссный вариант и настоял на одобрении его собственного текста. Витте признает также, что в процессе работы над документом он убедился, что ближайшее окружение императора, а следовательно, и он сам ему полностью не доверяют. Убеждены, что он в своих честолюбивых намерениях стремился быть президентом Российской республики. Это подтверждают и авансы германского императора, выданные Витте, ибо император «прозрел в нем» будущего президента¹². Конечно, насчет президента Витте явно перебирал, стремясь придать комичность слухам о его непомерном властолюбии, кружившим по столице (германофильство его не подлежит сомнению).

Витте подробно пишет о том, что последняя доводка текста Манифеста производилась в Петергофе, где укрывался император в те смутные дни, что император лично уточнял отдельные детали текста, советовался с великим князем Николаем Николаевичем и, наконец, в 6 часов вечера подписал документ, перебеленный в канцелярии Министерства императорского двора. Одновременно император утвердил программу работы Совмина по подготовке документов (законов), связанных с осуществлением Манифеста, то есть об изменениях положений о Госдуме и Госсовете, о внесении уточнений в избирательный закон и о новой редакции Основных законов. Не без некоторой борьбы, колебаний и сомнений, вспоминает Витте, «государю императору угодно было вернуть Россию на покинутый ею путь реформ и завершить великое дело своего августейшего деда». Великий князь Николай Николаевич заметил: «Сегодня 17 октября и 17-я годовщина того дня, когда в Борках была спасена династия, и теперь династия спасается от не меньшей опасности происшедшим историческим актом».

К этому можно и нужно добавить, что Витте признает, что в его математически точных описаниях событий 17 октября отсутствуют важные, хотя и эпизодические, факты. Именно те факты, которые не в пользу Витте. Министр признает, что он намеревался «покинуть Россию», ибо в стране все было «совершенно запутано». Ничего доброго не предвиделось, а императору он не доверял: «Я знал государя, знал, что мне на него положиться нельзя, знал его бессилие, недоверчивость, отсутствие всякого синтеза при довольно развитой способности к анализу». Вот так-то! Разложить, мол, может, но собрать, схватить ситуацию и найти единственно верную ей оценку не в состоянии.

Приводим текст Октябрьского манифеста императора Николая II¹³:

«Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи Нашей великой и тяжелой скорбью преисполняют сердце Наше. Благо Российского Государя неразрывно с благом народным, и печаль народная Его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы Нашей.

Великий обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для Государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга. Мы, для успешнейшего выполнения общих предназначаемых Нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего Правительства.

На обязанность Правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиною, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напярчь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе в 17-й день Октября в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое, Царствования же Нашего одиннадцатое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ II».

Интересное свидетельство о появлении Октябрьского манифеста содержат мемуары И.В. Гессена (в его руках был автограф «Воспоминаний» Витте, для нас недоступный, а возможно, и утраченный). Он пишет, что в ночь на 17 октября «Сергей Юльевич стоял на коленях перед государем, умоляя его хорошенько обдумать столь важный шаг. И царь всю ночь молился, прежде чем подписать Манифест». Фактически, добавляет Гессен, Витте в октябрьские дни «предусматривал повторение прецедента 12 декабря 1904 г., когда он рекомендовал исключение «третьего пункта» (созыв выборных. – А. С.) и теперь предлагал обойтись без Манифеста, а удовлетвориться резолюцией государя – «принять к руководству» – на его всеподданнейшем докладе о мерах для ликвидации анархии». Но правящие сферы серьезно опасались, что это окружит ненавистного им «франкмасона» ореолом спасителя России, и сами уже настаивали на издании торжественного манифеста от имени императора¹⁴.

В Манифесте в порядке общей торжественной декларации обещались населению гражданские свободы, расширение избирательных прав при выборе уже не в совещательную, а законодательную Думу. Весьма заманчиво звучало обещание о дальнейшем развитии «общего избирательного права», которое можно было понимать и как движение к всеобщему, равному, тайному прямому избирательному праву. Сторонники «четырёххвостки» не случайно позже ссылались и на начала Октябрьского манифеста.

Привлекало внимание и обещание предоставить выборным от народа возможности действительного надзора за действиями исполнительной власти. Право надзора можно было истолковывать как право контроля, вплоть до вотума недоверия министру и его отставки. Однако в самом Манифесте подчеркивалось, что правительство остается императорским («поставленные от нас власти») и, следовательно, кабинет министров не был подотчетен Думе.

В оценке Манифеста 17 октября как среди современников, так и потомков нет единства мнений. Радикалы как прежде, так и теперь говорят о царском обмане: «Царь испугался, издал манифест, мертвым свобода, живых под арест». Либеральная демократия заявляет о провозглашении конституционных начал. Монархисты – о хитроумном масонском заговоре. Спорные суждения через мемуары, дневники проникли в литературу, отразились в искусстве, закрепились в историографии. И.Е. Репин создал картину, посвященную Октябрьскому манифесту, изобразив ликующую толпу. Буйство красок, половодье чувств по замыслу художника передают апофеоз революции. Ликующие петроградцы, буквально дети разных народов, разных сословий – студенты, курсистки, журналисты, мастеровые, политкаторжане и пр. – сошлись в крике «Долой самодержавие!». «На первом плане самодовольная сытая фигура адвоката во фраке с красной розой, а рядом курсистка». По отзывам одних современников, согласных с художником, последнему удалось передать апофеоз революции – свобода завоевана наконец народом, по отзывам других, наоборот, картина показывает «безумные дни», «революция» изошлась в митинговщине, и, наконец, монархисты усмотрели в полотне великого художника изображение темных заговорщических сил¹⁵.

В оценке Манифеста 17 октября главное не забывать, что перед нами декларация «конституционных начал», намерений, принципов, а реализация последних зависела уже от соотношения борющихся политических сил. Это нашло отражение в последовавших затем документах об учреждении Госдумы и Госсовета, издании новой редакции Основных законов (об этом ниже).

Витте отдал приказ Трепову, возглавлявшему силовые структуры, чтобы «полиция не мешала народу ликовать по случаю манифеста о свободах». Ликования не было. В столице слышались залпы, в вельмож, сотворивших «свободы», летели камни. Толпа останавливала придворные кареты даже у Зимнего дворца, высаживала седоков, «слышалась площадная ругань», «летели камни», «раздавались залпы»¹⁶. Вскоре за тем последовали новые баррикады, Пресня и новые «иллюминации» в помещичьих усадьбах.

Не случайно император оставался до глубокой осени в Петергофе, откуда было удобнее, чем из Царского Села, бежать за границу. Такой исход событий вовсе не исключался.

Характер основополагающих нормативных актов, определивших на многие годы облик, состав, действия высших государственных властей, невозможно понять вне контекста с политическими реалиями, борьбой политических сил. В той тревожной обстановке высшие сановники империи нередко круто меняли свои взгляды, как образно выразился едкий Победоносцев, у многих «в голове запело сразу по три петуха». «Гонитель земств» граф Витте становится на какой-то час «глашатаем либерализма», диктатор, ультрамонархист генерал Трепов начинает ратовать за формирование ответственного кабинета министров за конституцию по французскому образцу. Едва ли не один Победоносцев предпочел, не изменяя принципам, уйти в отставку, но не проделывать вместе с Витте сомнительные пируэты.

Главное в этом калейдоскопе событий, лиц, поступков, деклараций – это быстро наступившее у императора понимание событий, а именно: Октябрьский манифест вопреки уверениям Витте не принес немедленного успокоения страны, его объявление вызвало не ликование, а скорее возмущение если не всего народа, как утверждали левые радикалы, то, во всяком случае, значительной части интеллигенции (образованного меньшинства, элиты) и простого люда в городе и деревне. О крестьянском требовании всей земли и всей воли премьер забыл. «Опять нас обошли господа перед царем», – негодовали крестьяне. Если успокоения нет, то и все уступки были напрасной жертвой, ошибкой, какую следует незамедлительно исправить, насколько это позволяют обстоятельства. Такова была позиция Николая II в период осени 1905 – весны 1906 г. – то есть перед созывом Думы, в недели и месяцы ее создания.

В который раз русский народ подвела надежда, что одним взмахом меча или росчерка пера по «манию царя» можно все изменить к лучшему, водворить в одночасье спокойствие, обеспечить благополучие, конечно же всеобщее, вызвав благодарность и ликование ослессленных верноподданных.

Так было и в 1905 г., когда стало ясно, что мгновенного успокоения нет и скоро не предвидится, все взоры с негодованием обернулись к графу Витте – как же, обещал, уверял, успокаивал. И каждое новое сотрясение, новая стачка, иллюминация, убийство вызывали новый приступ негодования.

К прискорбию Витте, ситуация после 17 октября отнюдь не улучшалась, а, наоборот, усложнилась, обагрилась новыми потоками крови. Правые ненавидели премьера за умаление самодержавия, либералы-конституционалисты ему не доверяли, левые боялись, что революция, которую они предвкушали, ускользнет из их рук в случае успеха реформ. «Ничего не изменилось, борьба продолжается», – заявил П.Н. Миллюков. Лев Троцкий, писавший в свежесозданной газете «Известия», был более конкретен и решителен: «Пролетариат знает, чего он не хочет. Он не хочет ни полицейского душителя Трепова (начальник полиции), ни либерального мошенника-финансиста Витте, ни волчьей морды, ни лисьего хвоста. Он отвергает полицейский кнут, завернутый в пергамент конституции»¹⁷. В отдельных частях России Манифест,

вроде бы урезавший права местной полиции на расправу внесудебную, привел прямо к насилию. В прибалтийских провинциях крестьяне выступили против помещиков-немцев и провозгласили целую россыпь крестьянских республик. На Украине и в Белоруссии скопища ультраправых, называющих себя «Черной сотней», выступили против «хриstopродавцев», этих вечных козлов отпущения. В ряде крупных западных городов вспыхнули погромы. В Закавказье подобные выступления были сделаны против армян. В Польше, Финляндии, Грузии Манифест был воспринят как признак слабости; было общее чувство, что империя разваливается: массовые демонстрации громогласно требовали автономии и независимости. От Кронштадта до Севастополя происходили восстания на флоте. В декабре Московский Совет вывел 2000 рабочих и студентов на баррикады. В течение 10 дней они удерживали правительственные силы, провозгласив новое Временное правительство. Бунт был подавлен только после прибытия из Санкт-Петербурга Семеновского гвардейского полка, который очистил улицы артиллерией и штыками. В течение этих недель Ленин проскользнул в Россию, надеясь возглавить большевиков: полиция вскоре обнаружила его след, и он был вынужден тайно переезжать с места на место, чтобы избежать ареста. Вожди радикалов радовались. «Идти вперед и стрелять, – зывали они. – Собирайте австрийские и немецкие войска против русских крестьян и рабочих. Мы за разрастание борьбы, мы за мировую революцию!»

В дневнике Николай II фиксирует основные события, волнения, убийства губернаторов, генералов, его тревожат кровавые события в Москве, куда он решает послать гвардейцев-семеновцев, которых лично провожает и напутствует. Некоторое успокоение император получает от встреч с войсками, особенно гвардией, полки проходят «молодцами» перед своим державным вождем, «блестяще», «великолепно», в торжественном марше. И как это разительно отличалось от выслушивания «докладчиков» и особенно заседаний Совета министров и других встреч с Витте, на которых «много говорили», «спорили», с которых он возвращался часто «мокрым, изведенным», а наутро «от вчерашней усталости болела голова»¹⁸. Только гвардия радовала глаз, утешала сердце. Таков ход мыслей и чувств Николая II к исходу 1905 г. В ознаменование пятидесятилетия лейб-гвардии стрелкового батальона императорской фамилии, державшего караулы в Царском Селе: «Николай II пожаловал любимым стрелкам новую форму: малиновые рубашки без воротников, шаровары, сапоги, явно имитируя национальную крестьянскую одежду, в которую в дни отдохновения Николай и сам не чуждался облачиться». И это тоже заносится в дневник на память и в поучение потомкам. Так заканчивался тревожный 1905-й, начавшийся Кровавым воскресеньем. Под Новый, 1906 г. командир семеновцев за разгром восставшей Пресни стал флигель-адъютантом.

Издание Манифеста было симптомом кризиса власти и, вопреки ожиданиям, привело к его усилению, а не спаду напряжения. «Начальство ушло» – как всегда едко и метко выразился В.В. Розанов. Даже «Новое время» устами Меншикова призывало славить «борцов за свободу». На собраниях оппозиционных партий, союзов, лиг от кадетов и влево аплодисментами встречали сообщения об очередных кровавых терактах. Левая печать открыто прославляла революционное насилие. На страницах «Новой жизни» – газеты, созданной М. Горьким, крупнейшие поэты – Андрей Белый, Бальмонт, Минский, не говоря уже о «буревестнике революции», восклицали: «Рабочий, только на тебя надежда всей России!» Минский на девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» сочинил громкие стихи с рефреном «Кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть!», ставшие революционным гимном.

Показателем растерянности властей явилось и решение Святейшего синода, осудившего митрополита Владимира, призвавшего народ к противоборству с крамолой¹⁹. В отставку в знак несогласия с курсом Витте выходят сразу восемь министров: обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев, министр финансов В.Н. Коковцов, министр внутренних дел А.Г. Булыгин, министр просвещения Глазов, министр путей сообщения князь Хилков, государ-

ственный контролер генерал Лобко, министр мореплавания великий князь Александр Михайлович (личный друг императора) и министр земледелия П.Х. Шваненбах.

Первые дни после Манифеста показали крушение надежд, возлагавшихся на Витте – спасителя Отечества, что оказалось ему не по плечу. Само издание Манифеста в кругу военных деятелей, верных императору и присяге, расценивалось как измена и мелкая месть царю зарвавшегося карьериста. Известный генерал Куропаткин записал в дневнике 23 октября: «Сергей Витте торжествует. Так отомстить государю даже и ему не всегда представлялось возможным». Показательно в этом отношении и столкновение с графом Витте нового флигель-адъютанта полковника Мина, стоявшего со своими семеновцами у Зимнего дворца. Витте по телефону попросил полковника убрать войска, чтобы не загрождать улиц, чего требовали либералы-публицисты. Граф прямо приказать не мог, так как войска подчинялись непосредственно великому князю Николаю Николаевичу, принявшему на себя командование гвардией, заявив, что передает просьбу свою как гражданин и патриот. Мин в ответ заявил, что он тоже, как гражданин и патриот, не может допустить, чтобы его солдат окружила и смела толпа, и просит графа прибыть на площадь и убедить скопища разойтись, ведь он так умеет владеть толпой²⁰. Разумеется, Витте не последовал этому совету. Эпизод этот высвечивает важный аспект событий, человеческих характеров и судеб, – многие говорили от имени народа, выдавали себя за народных заступников, но как мало было тех, кто разделял народную участь и был воистину с народом и воистину частью его.

Уже через неделю после издания Манифеста почва стала уходить из-под ног «спасителя» Отечества. Становилось ясно, что того благоразумного большинства, обладающего политическим тактом, на которое он рассчитывал, не оказалось. В беседе с либеральными журналистами Витте просил их: «Вы, господа, постарайтесь, чтобы государь увидел, что от добрых мер есть результаты. Вот лучший путь. На нем вы меня поддержите». Но в ответ либералы и демократы выдвигали новые требования о немедленном созыве Учредительного собрания, отмены смертной казни, всеобщей амнистии, удаления войск с улиц и даже упразднения городских и создания народной милиции²¹.

Видные земские деятели, которым Витте предложил войти в его кабинет, отказались это сделать. В отчаянии от случившегося премьер воскликнул: «Если бы при теперешних обстоятельствах во главе правительства стоял Христос, то и ему бы не поверили!» «Новое время» 24 октября оповестило публику об этом эпизоде. Премьеру пришлось обратиться к услугам бюрократов, чтобы образовать новое правительство. Витте определенно обманулся в расчете на поддержку либерально-конституционных кругов. Земский съезд, открывшийся в Москве 6 ноября, после оживленных споров отклонил предложения о сотрудничестве с кабинетом Витте, даже и в той условной форме, что предлагал многоопытный П.Б. Струве – поддержать правительство, если оно примет программу съезда (политическая амнистия, «четыреххвостка», ответственное правительство, отчуждение части помещичьей земли и пр.). А.И. Гучков произносил на съезде речи против революции в развитие «начал Манифеста». Удачно резюмировал ситуацию на съезде, отражавшую господствовавшие в обществе настроения, профессор, князь Е.Н. Трубецкой – получилось такое впечатление, что Манифестом не довольны ни революционеры, ни прогрессивные земцы. В печати разворачивалась острая критика политики Витте.

А.С. Суворин писал 6 ноября в «Новом времени»: «Если завтра эти молодцы (радикалы. – А. С.) арестуют графа Витте и посадят его в Петропавловскую крепость вместе с ответственными его министрами, я нимало не удивлюсь». А через пять дней, 11 ноября, первое перо «Нового времени» М.О. Меньшиков обвинил премьера в провокации: «Я допускаю, что граф Витте потворствует революции, но лишь затем, чтобы ее скорее убить... не правительство первое страдает от анархии, а общество. От повышения цен на мясо вдвое и второе страдают

не министры. Тот же народ, те же рабочие начнут облаву на революцию, и она будет убита, как хищный зверь, намеренно выпущенный из клетки».

Бессилие правительства перед нарастающей смутой все более и более тревожило императора и восстанавливало его против премьера. 10 ноября Николай II писал матери-императрице Марии Федоровне: «Все боятся действовать смело, мне приходится всегда заставлять их (министров) и самого Витте. Могу тебя уверить, что с моей стороны делается все, чтобы облегчить его трудное положение. Но не могу скрыть от тебя некоторого разочарования в Витте. Все думали, что он страшно энергичный и деспотичный человек и что он примется за водворение порядка прежде всего. Между тем действия кабинета Витте создают страшное впечатление какой-то боязни и нерешительности»²². Это было написано через три недели после Октябрьского манифеста.

Разочаровавшись в премьерe, Николай II ищет опоры в гвардии, в течение ноября – декабря он в сопровождении императрицы и наследника посещает гвардейские полки, встречается с офицерами, устраивает смотры и парады.

Гвардейские офицеры уже в ноябре требуют ареста Витте и перехода к военной диктатуре. С большим трудом их удается успокоить командующему гвардией великому князю Николаю Николаевичу, пообещавшему лично их возглавить в таком перевороте, если обстоятельства этого потребуют. Император в беседах и встречах с офицерами, монархическими депутациями неизменно подтверждал верность принципам Октябрьского манифеста, курсу политического разрешения кризиса. «Манифест, – заявлял он депутациям, – есть полное убежденное выражение моей монаршей воли... не сомневаюсь, что вы пойдете не по иному, как только по предначертанному мною пути», и добавлял: «Объединяйтесь, русские люди, я рассчитываю на вас»²³.

Восстание на Пресне в Москве показало, что на сей раз спасение монархия нашла в решительных действиях гвардии, оставшейся верной престолу.

Николай нетерпеливо, но напрасно ждал от своего эксперимента с конституционным строем практических результатов. А когда просчет Витте стал очевиден, отношение царя к премьеру начало быстро, круто меняться. Письма Николая к матери позволяют проследить этот обвал разочарований:

9 ноября: *«Очень странно, что такой умный человек (Витте) мог ошибаться в своих прогнозах незамедлительного умиротворения».*

23 ноября: *«Каждый боится предпринимать решительные действия. Я пытаюсь заставить их, даже самого Витте, действовать более энергично. У нас не привыкли брать ответственность на себя, все надеются, что получают нужные указания, которые, при всем том, они не будут выполнять».*

14 декабря: *«Теперь он (Витте) готов арестовать всех главарей восстания. Когда же я все последнее время пытался заставить его сделать это, он уверял, что в состоянии управлять без применения крайних мер».*

25 января 1906 года: *«Что касается Витте, то после московских событий он радикально изменил свои взгляды; сейчас он хочет вешать и расстреливать всех. Я никогда не видел большего хамелеона. Таковы, естественно, причины, почему ему более никто не верит. Он окончательно потопил себя в глазах всех»*²⁴.

Признания императора дают ключ к пониманию того обстоятельства, что созданные Витте якобы в развитие начал Октябрьского манифеста законоположения на самом деле были не конкретизацией и развитием этих начал, а их пересмотром и умалением. Витте видел, что ликования народа Манифест не вызвал, что царь в нем разочаровался.

Чувствуя свое нетвердое положение, премьер попытался вернуть расположение царя путем циничного изменения большинства самых сильных пунктов Манифеста, который он

совсем недавно сам же написал. Не ожидая, пока будет избрана Дума, Витте диктовал проекты законов, покоящихся уже не на народосоветии, а на самодержавии по принципу, что «императору принадлежит верховная самодержавная власть» во всех сферах власти. Чтобы сделать правительство независимым в финансовом отношении от притязаний Думы, Витте использовал все свое влияние в Европе, надеясь получить от Франции колоссальный заем на сумму почти 3 млрд франков.

Когда эти маневры не дали результатов, Витте пришлось уйти в отставку (об этом ниже), а в мемуарах он попытался переложить вину с больной головы на здоровую.

Исправляя свободы, дарованные императором, премьер заявлял, что делает это по велению самого императора, его окружения, придворной камарильи, которые вознамерились взять обратно все, что в октябре так торжественно обещали. Именно это составляло пафос известных воспоминаний Витте, и это самая большая их ложь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.